

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

1883

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XXXIX.

АМВРОСІЙ ОРНАТСКІЙ, ЕПИСКОПЪ ПЕНЗЕНСКІЙ.

1778—1827 гг.

Имя Амвросія Орнатскаго, епископа Пензенскаго, надолго останется извѣстнымъ какъ въ исторіи русской церкви, такъ и вообще въ области нашей исторической науки. Многотомная его „Исторія російской іерархіи“, не смотря на то, что въ настоящее время издано столько памятниковъ древности, еще и до сихъ поръ не утратила вполне своей классической важности ¹⁾. А для своего времени трудъ Амвросія былъ замѣчательнѣйшимъ трудомъ, который служилъ тогда настольною книгою для всякаго, одинаково и свѣтскаго и церковнаго, историка. Не менѣе любопытною личностью является преосвященный Амвросій и по своему сильному и своеобразному нравственному характеру и по необыкновенному образу жизни и дѣятельности въ санѣ епископа.

Амвросій (въ мѣрѣ Андрей) родился въ 1778 году, въ погостѣ Чуда или Чудскомъ, Череповецкаго уѣзда, Новгородской губерніи. Отецъ его, Антипъ Григорьевъ, былъ бѣднымъ сельскимъ дѣвономъ. Десятилѣтнимъ мальчикомъ Амвросій началъ свое образованіе въ городѣ Кирилловѣ, въ уѣздномъ духовномъ училищѣ, находившемся тогда при древнѣйшемъ Кириллобѣлозерскомъ монастырѣ ²⁾. 26 января 1792 года онъ поступилъ, для продолженія своего образованія, въ С.-Петербургскую Александро-Невскую

¹⁾ Филаретъ Черниговскій, „Обзоръ русской духовной литературы“. Кн. II, втор. изд., стр. 215. Чистовичъ, „Исторія С. Петерб. дух. академіи“. Спб. 1857, стр. 97.

²⁾ При поступленіи въ Кириллобѣлозерское духовное училище, ему дано было прозваніе Чудскій, по имени погоста, въ которомъ онъ родился.

В. Ж.

семинарію, имѣвшую въ то время значеніе высшаго духовнаго учебнаго заведенія или академіи. Здѣсь Амвросій скоро обратилъ на себя вниманіе извѣстнаго въ то время покровителя духовнаго просвѣщенія, петербургскаго митрополита Амвросія (Подобѣдова), и въ теченіе всего послѣдующаго времени пользовался милостями и покровительствомъ своего знаменитаго соимянина. Вѣроятно не безъ участія покровительствующаго митрополита, Амвросій, по окончаніи высшаго образовательнаго курса, въ февраль 1800 года, получилъ мѣсто учителя въ Новгородской духовной семинаріи, гдѣ онъ 10 марта 1804 года сдѣланъ былъ и префектомъ ея. Въ слѣдующемъ 1805 году Амвросій принялъ монашеское постриженіе и избралъ для себя имя своего высокаго покровителя, митрополита Амвросія. Спустя три года, Амвросій получилъ санъ архимандрита, алмазный крестъ и настоятельство въ Новгородскомъ Антоніевомъ монастырѣ и совмѣстно съ нимъ должность ректора Новгородской семинаріи. Въ сентябрѣ 1811 года Амвросій получилъ новое повышеніе: его назначили архимандритомъ Новгородскаго первокласснаго Юрьева монастыря съ оставленіемъ за нимъ по прежнему ректорства въ семинаріи. Во время своей службы при Новгородской семинаріи Амвросій сблизился съ знаменитымъ нашимъ историкомъ Евгеніемъ Болховитиновымъ (впослѣдствіи Кіевскимъ митрополитомъ), тогда (съ 1804—1808 г.) епископомъ Старорусскимъ, викаріемъ Новгородской митрополи. Сближеніе съ ученымъ Евгеніемъ имѣло большое вліяніе на Амвросія. При Евгеніи и, можетъ быть, не безъ его вліянія, Амвросій принялъ монашество, по совѣтамъ Евгенія онъ предпринялъ обширный трудъ—составленіе исторіи російской іерархіи, сдѣлавшій его имя навсегда памятнымъ въ исторіи отечественной церкви и вообще исторической наукѣ. Съ теченіемъ времени Амвросій увлекся трудами по русской церковной археологіи и занимался ими и въ то время, когда его другъ и вдохновитель Евгеній уже повинулъ Новгородъ. Крѣпкія узы дружбы и ученыхъ интересовъ не порвались съ ихъ разлукою. Преосвященный Евгеній иногда просматривалъ труды своего друга, исправлялъ и дополнял ихъ своими собственными статьями ¹⁾.

¹⁾ Такъ въ „Исторіи російской іерархіи“ м. Евгенію принадлежать слѣдующія статьи: всеобщее хронологическое обозрѣніе начала и распространенія духовныхъ російскихъ училищъ (ч. I), о началѣ и размноженіи російскихъ

Въ знаменательномъ для Россіи 1812 году архимандритъ Амвросій Орнатскій получилъ новое назначеніе: онъ сдѣланъ былъ настоятелемъ Ставропигіальнаго Новоспасскаго монастыря въ Москвѣ и предсѣдательствующимъ комитета московской духовной цензуры. Въ виду ожидавшагося нашествія на Москву французовъ, правительство сдѣлало распоряженіе о вывозѣ церковныхъ сокровищъ изъ древней столицы въ Вологду. Въ числѣ лицъ, охранявшихъ цѣлость сокровищъ, со стороны свѣтскихъ находились: прокуроръ московской синодальной конторы д. ст. сов. Леонтій Магницкій съ нѣсколькими чиновниками конторы и московской консисторіи, а изъ духовныхъ лицъ были: Новоспасскій архимандритъ Амвросій вмѣстѣ съ архимандритами монастырей Заиконоспасскимъ—Симеономъ, Крестовоздвиженскимъ—Парфеніемъ, протоіереемъ Арханг. собора—Алексѣемъ Федоровымъ и др.

Въ Вологдѣ Амвросій Орнатскій познакомился съ сыномъ Л. Магницкаго, столь извѣстнымъ Михаиломъ Леонтьевичемъ Магницкимъ, до 1812 года статсъ-секретаремъ, а съ 1819 по 1826 г. попечителемъ казанскаго университета. По возвращеніи Амвросія изъ Вологды въ Москву, на него возложено было порученіе возобновить нѣкоторые монастыри, поврежденные французами. Новоспасскій архимандритъ обнаружилъ здѣсь замѣчательную ревность въ исполненіи возложеннаго на него порученія, за что 30 августа 1814 года удостоился высочайшей награды: онъ получилъ орденъ св. Анны второй степени. Самая широкая ученая дѣятельность Амвросія относится къ 1804—1815 годамъ, когда онъ находился въ Новгородѣ префектомъ, а потомъ ректоромъ семинаріи и архимандритомъ Новоспасскаго монастыря въ Москвѣ. Въ теченіе этого времени онъ составилъ и издалъ шесть частей исторіи россійской іерархіи¹⁾. За свои ученые труды Амвросій получилъ званіе сна-

монастырей, краткое описаніе Китайскаго Пекинскаго монастыря (ч. II), всё описаніи монастырей Воронежской и Вологодской епархій. Сравни „Словарь достопамятныхъ людей русской земли“, составл. Дм. Бантышъ-Каменскимъ, изд. 1836 г. т. I, стр. 37—33; изд. 1847, 1—10. „Странникъ“, 1869 годъ, ноябрь, 37—39. Статья П. И. Саввавтова. В. Ж.

¹⁾ Исторія россійской іерархіи въ шести частяхъ напечатана была въ Москвѣ, въ синодальной типографіи, въ 1807—1815 годахъ. Первая часть исторіи іерархіи была издана вторымъ изданіемъ въ Москвѣ въ 1822 году. Кроме того въ 1827 году митрополитъ Кіевскій Евгений Волховитиновъ снова переиздалъ въ Кіевѣ первую часть исторіи Россійской іерархіи Амвро-

чала дѣйствительнаго, а потомъ и почетнаго члена импер. московск. общ. ист. и древн. Росс. Покровитель Амвросія, петербургскій митрополитъ, хотя и на закатѣ своей силы и славы, не забывалъ о своемъ любимцѣ. 12-го марта 1816 года Новоспасскій архимандритъ Амвросій былъ хиротонисанъ во епископа Старорусскаго, викарія Новгородской митрополіи. Изъ жизни преосвященнаго Амвросія въ Новгородѣ можно отмѣтить то, что онъ 12 іюля 1816 года отпѣвалъ въ Хутынѣ монастырѣ тѣло знаменитаго нашего поэта Державина. 9 ноября 1819 года Амвросій получилъ самостоятельную епархію въ г. Пензѣ ¹⁾).

сія въ значительно исправленномъ видѣ и въ увеличенномъ объемѣ. Незвѣстно по чьей инициативѣ, но только въ Москвѣ напечатано было нѣсколько листовъ VII части Россійской іерархіи Амвросія, но печатаніе остановилось и VII часть не вышла въ свѣтъ. Первые печатные и потомъ корректурные листы ея находятся въ Московскомъ публичномъ музеѣ, а по каталогу Ундольскаго значатся подъ № 1419. Въ VII неизданной части исторіи Россійской іерархіи помѣщены разные уставы русскихъ монастырначальниковъ. Нѣкоторыя черновыя работы Амвросія по составленію исторіи Россійской іерархіи съ помѣтками и поправками извѣстнаго любителя исторіи отечественной церкви московскаго митрополита Платова имѣются въ собраніи рукописей Елпидифора Васильевича Барсова, въ Москвѣ.

¹⁾ Представленнымъ до сихъ поръ краткія біографическія свѣдѣнія о преосв. Амвросіи заимствованы: изъ Словаря достопамятныхъ людей русской земли Дм. Бавтышъ-Каменскаго (ч. I, М. 1836, 37—38), изъ Обзора русской духовной литературы преосв. Филарета Черниговскаго (кн. II, изд. втор. 1863 г., 215), изъ Исторіи Россійской іерархіи (часть VI, 827—932) и наконецъ изъ спеціальной статьи объ Амвросіи Орнатскомъ, принадлежащей П. И. Саввантову и составленной имъ на основаніи оффиціальныхъ документовъ и разсказовъ ближайшихъ родственниковъ преосв. Амвросія («Странникъ» 1819 г. ноябрь). Что же касается до изображенія дальнѣйшей дѣятельности Амвросія за время его епископства въ Пензѣ и пребыванія на покой въ Кирилловѣ монастырѣ, то главнымъ источникомъ для него (за исключеніемъ тѣхъ фактовъ, противъ которыхъ находятся точныя указанія на источникъ) послужили находящіеся въ распоряженіи редакціи «Русской Старины», изъ бумагъ Млх. Максимов. Попова, записки одного современника и почитателя епископа Амвросія. Эти записки, не всегда отличающія историческою вѣрностію и точностію сообщаемыхъ ими фактовъ, тѣмъ не менѣе содержатъ въ себѣ много любопытныхъ разсказовъ, которые представляютъ немаловажный интересъ какъ сами по себѣ, такъ и по отношенію ихъ къ замѣчательной личности преосвященнаго Амвросія Орнатскаго. Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ помѣщаемымъ разсказамъ автора записокъ о преосвященномъ Амвросіи мною въ вѣдомыхъ мѣстахъ внесены замѣчанія относительно того, насколько соответствуютъ или не соответствуютъ эти разсказы свидѣтельствамъ другихъ современниковъ, а также свидѣтельствамъ и оффиціальнымъ источникамъ.

В. Ж.

Назначеніе на пензенскую епархіальную кафедру открыло предъ Амвросіемъ широкое поле самой разнообразной дѣятельности. Оно же показало и то, что характеръ Амвросія не вполне отвѣчалъ его новому положенію быть духовнымъ администраторомъ. Амвросій еще съ малолѣтства отличался самымъ строгимъ аскетическимъ настроеніемъ, келья отшельника—вотъ сфера его жизни и дѣятельности. Обладая замѣчательнымъ умомъ, рѣдкими способностями, онъ особенно выдавался необыкновенною силою воли, обращавшей его иногда въ упорнаго непреклоннаго человѣка, не хотѣвшаго знать никакихъ преградъ для своей дѣятельности. Будучи въ скромномъ положеніи учителя, а потомъ ректора семинаріи, Амвросій находился при такихъ условіяхъ жизни, которыя болѣе отвѣчали его характеру. Занятія по семинаріи сравнительно мало отнимали у него времени и еще менѣе втягивали его въ суету обыденной мірской жизни. Весь внутренній міръ его души заключался въ стѣнахъ его келіи. Здѣсь онъ всецѣло предавался аскетическимъ подвигамъ и еще въ Новгородѣ заслужилъ онъ славу благочестиваго человѣка ¹⁾. А въ послѣдствіи, въ Пензѣ, многіе приносили имя его съ благоговѣніемъ, какъ имя святаго мужа и замѣчательнаго подвижника ²⁾.

Свободные часы Амвросій посвящалъ на археологическія занятія, къ которымъ онъ относился съ замѣчательнымъ увлеченіемъ. Вся энергія его сильнаго характера находила себѣ пищу въ ученыхъ кабинетныхъ трудахъ. Только въ своей кельѣ онъ чувствовалъ себя въ своей средѣ, въ самой подходящей роли, гдѣ ничто особеннаго не отрывало его ни отъ упражненій въ благочестивыхъ подвигахъ, ни отъ ученыхъ работъ. Вообще скромное положеніе Амвросія какъ въ Новгородѣ, такъ и въ Москвѣ не представляло причинъ къ тому, чтобы его сильный характеръ выдѣлился чѣмъ-нибудь особенно рѣзкимъ и оригинальнымъ. Но вотъ такого строгаго аскета и ученаго кабинетнаго труженика ставятъ во главѣ обширной и неособенно благоустроенной епархіи. Здѣсь онъ волею-

¹⁾ Извѣстный Юрьевскій архимандритъ Фотій оставилъ очень лестный отзывъ о благочестіи Амвросія, когда онъ былъ еще въ свѣтскомъ званіи. Фотій самую свою фамилію—Спаскаго получилъ отъ Амвросія Орнатскаго.—Имяющаяся у меня въ рукописи автобіографія Фотія, книга первая.

²⁾ „Русскій Вѣстникъ“ 1831, сентябрь. Записки неизвѣстной подъ заглавіемъ: „Жизнь прожить—не поле перейти“.

неволею становился во главѣ обширной и сложной духовной администраціи, въ его рукахъ сосредоточивалась судьба многихъ тысячъ людей. Положеніе епископа заставляло его погрузиться въ интересы будничной, полной мелочей и дразгъ, жизни, вращаться въ области случайныхъ запросовъ каждаго отдѣльнаго дня, постоянно сталкиваться съ разными властями, людьми съ особыми нравственными воззрѣніями и убѣжденіями и съ особымъ складомъ общественной и частной жизни. Сдѣлавшись епископомъ и втянувшись чрезъ то въ круговоротъ общественной, и не всегда нравственно-совершенной жизни, Амвросій не хотѣлъ подчиняться требованіямъ своего новаго положенія, и на каедрѣ епископа онъ выступалъ тѣмъ же строгимъ суровымъ аскетомъ, каковымъ былъ до сихъ поръ; не нзмѣнилъ онъ съ епископствомъ и своего непреклоннаго, твердаго, какъ гранитная скала, характера. Съ такимъ характеромъ естественно Амвросій сталъ въ особые условия ко всему окружающему его обществу, которыя дали какъ его епархіальному управленію, такъ и всей вообще его дѣятельности въ Пензѣ рѣзкій, своеобразный характеръ.

Въ концѣ 1819 года Амвросій явился въ свою Пензенскую епархію. Пензенская епархіа принадлежала къ числу самыхъ обширныхъ: въ составъ ея входили настоящія Пензенская, Саратовская, часть Самарской и Симбирской губерній. Пензенская епархіальная каедра не отличалась особенно счастливымъ подборомъ своихъ епархіальныхъ владыкъ. Одинъ изъ предшественниковъ Амвросія, Аѳанасій ¹⁾, не отличался особенною твердостью и послѣдовательностью въ епархіальномъ управленіи. При немъ въ епархіальной администраціи большую роль игралъ презрѣнный металлъ. Преемникъ Аѳанасія—Иннокентій Смирновъ, знаменитый ученый богословъ и краснорѣчивый проповѣдникъ своего времени, высланный изъ Петербурга въ Пензу, подъ видомъ почетнаго назначенія, вслѣдствіе интриги министра духовныхъ дѣлъ князя Голицына, явился въ свой епархіальный городъ уже, можно сказать, живымъ мертвецомъ. Онъ торжественно въѣхалъ въ Пензу 24-го іюня 1819 года, а 10-го октября того же года Пензенская епархіа уже оплакивала своего знаменитаго архипастыря. Инно-

¹⁾ Карчановъ, былъ Пензенскимъ епископомъ съ 1811 по 1819 г. Уволенъ на покой и умеръ въ Пензѣ, 14-го декабря 1825 г.

вентій, отличавшійся замѣчательно добрымъ сердцемъ и славившійся своею подвижническою жизнію до того, что многіе при его жизни считали его святымъ, въ какіе нибудь три-четыре мѣсяца успѣлъ дать епархіальному управленію нѣсколько болѣе стройный и—главное—гуманный характеръ ¹⁾. Пензенскіе жители съ религіознымъ воодушевленіемъ относились къ своему владыкѣ, видя въ немъ живое воплощеніе доброты и святости. Иннокентій еще болѣе привлекалъ къ себѣ сердца пасомыхъ своею первобытною простотою и доступностью, своими простыми, безыскусственными, но изливавшимися отъ чистаго сердца проповѣдями и наконецъ своимъ крайнимъ безворостіемъ. О немъ можно сказать, что онъ чрезъ свое безкорыстіе былъ самымъ первымъ бѣднякомъ въ Пензѣ и архіерейскій домъ его содержался на счетъ частной благотворительности почитателей епископа. Понятна отсюда та всеобщая скорбь, какая охватила всѣхъ пензенскихъ жителей при вѣсти о смерти своего святаго владыки,—такъ любили выражаться тогда объ Иннокентіи его пасомые. Въстѣ съ Иннокентіемъ рушились золотыя надежды, какія соединяли съ его именемъ пензенскіе граждане. И дѣйствительно, много слезъ и еще болѣе сожалѣній вызвала собою преждевременная кончина добраго Иннокентія. Онъ умеръ только имѣя отъ роду тридцать пять лѣтъ.

Съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали въ Пензѣ новаго владыку. Явился Амвросій. Съ величайшимъ любопытствомъ всѣ относились къ новому архіерею, которое впрочемъ вызвала и самая внѣшняя представительность Амвросія. Онъ отличался высокимъ ростомъ, сухощавымъ тѣлосложеніемъ ²⁾, что вызывало его ростъ еще болѣе высокимъ, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ. Блѣдное пріятное лицо Амвросія окаймлялось небольшою темною почти чернаго цвѣта бородою. Но во всей его фізіономіи особенно выдѣлялись его глаза: большіе, темные и глубоковпалые глаза его отличались пріятностью и если они не выражали собою особен-

¹⁾ И въ настоящее время, спустя уже болѣе шестидесяти лѣтъ по смерти епископа Иннокентія, въ Пензѣ еще живетъ его имя, и среди пензенскихъ жителей находится не мало такихъ, которые искренно вѣруютъ въ его святость, молятся ему, какъ прославленному угоднику Божию. Имя подъ руками не мало дѣлающихъ, касающихся жизни и дѣятельности Иннокентія, я могу только сочувствовать убѣжденіямъ пензенскихъ почитателей Иннокентія.

²⁾ А въ молодости Амвросій отличался значительною полнотою.

наго преобладанія нѣжныхъ чувствъ, то за то въ нихъ всегда просвѣчивался высокій умъ и сильная энергія воли. Иногда большіе глаза Амвросія вспыхивали и загорались огнемъ,—что часто означало приливъ его гнѣва. Амвросій обладалъ громкимъ и сильнымъ голосомъ, который при порывахъ его гнѣва иногда становился болѣе, чѣмъ строгимъ, даже суровымъ, который невольно заставлялъ иногда вздрагивать тѣхъ лицъ, къ которымъ онъ относился. Всѣ движенія и особенно поступъ Амвросія отличались замѣчательною медлительностію, что, при его внѣшней представительности, внушало къ нему невольное уваженіе окружающихъ его лицъ. Амвросій не отличался словоохотливостію, говорилъ всегда очень мало и то съ длинными паузами и разстановками, болѣею частію былъ угрюмъ и молчаливъ. Самый внѣшній видъ преосвященнаго Амвросія представлялъ много загадочнаго и недоступнаго для скорого пониманія внутренняго міра его души и нравственнаго характера. Всмотриваясь въ черты лица Амвросія, пензенскіе граждане мало находили въ нихъ выраженія того, что они привыкли видѣть у его ближайшаго предшественника, у котораго доброта и нѣжность души просвѣчивались и отображались въ каждой чертѣ его лица.

Будучи епископомъ Старорусскимъ, викаріемъ Новгородской митрополіи, и обладая незначительною долею самостоятельности, Амвросій естественно не могъ широко заявить здѣсь себя съ дѣйствительною положительной стороны своего характера. А потому только въ Пензѣ, гдѣ, по самому его положенію, Амвросію приходилось играть первенствующую роль, во всей силѣ обнаружился его оригинальный и любопытный характеръ. Амвросій представлялъ изъ себя типъ архіерея-монаха. Во взглядѣ на свое положеніе и на всѣ свои обязанности онъ всегда и прежде всего руководствовался сознаніемъ, что онъ—монахъ. Сознаніе, что онъ—администраторъ, глава мѣстной церкви и управляющій тысячами душъ обыкновенныхъ мірскихъ людей,—людей съ новыми, иногда даже особыми взглядами на вещи,—ему совершенно не было извѣстно. Онъ на себя, равно какъ и на другихъ, смотрѣлъ аскетическимъ взглядомъ, имъ онъ измѣрялъ и жизнь окружающаго общества и оцѣнивалъ его нравственное состояніе. Крайне строгій и требовательный къ самому себѣ, замѣчательный подвижникъ въ своей частной жизни, онъ проявлялъ такую же требователь-

вость и во всему окружающему его обществу. Ему неизвѣстны были приличія свѣта, онъ не хотѣлъ знать и особыхъ условій общественной жизни, онъ не дѣлалъ никакихъ уступокъ для такъ называемаго духа своего времени. Какъ человѣкъ, по убѣжденію отдавшійся монашеству, онъ на всю жизнь, на всѣхъ и на все и въ частности на положеніе свое смотрѣлъ сквозь призму строгаго аскетизма. Онъ отъ всякаго сына православной церкви, было-ли то духовное лицо, или высокопоставленный свѣтскій человѣкъ, — одинаково требовалъ безусловнаго повиновенія всѣмъ требованіямъ и уставамъ церкви; въ предѣлахъ своей власти и даже одной возможности онъ готовъ былъ безъ всякаго снисхожденія — и публично и частно — карать всякое отступленіе отъ правилъ религіи и требованій христіанской добродѣтели. Здѣсь имъ не полагалось никакого различія ни въ общественномъ, ни въ семейномъ положеніи тѣхъ людей, которые своими дѣйствіями вызывали его священную ревность. Амвросій, какъ сказано, нисколько не уважалъ никакихъ такъ называемыхъ приличій свѣта и требованій, принятыхъ въ общественной жизни; онъ сурово молчалъ во время шумной свѣтской болтовни въ салонахъ пензенскихъ аристократовъ, а иногда впрочемъ случалось, что онъ возвышалъ свой грозный голосъ — но только для того, чтобы навсегда положить конецъ разговору, противному образу его мыслей. Ему совершенно было неизвѣстно ни человѣкоугодіе, ни лицепріятіе. Единственный кумиръ, которому онъ поклонялся и служилъ, это — правда и чувство нравственнаго долга, которое дѣлало его самымъ яркимъ ревнителемъ и поборникомъ за ученіе, уставы и права православной церкви. Такимъ образомъ характеръ преосв. Амвросія весьма мало представлялъ въ себѣ условій, способствовавшихъ къ сближенію его съ окружающимъ его пензенскимъ обществомъ. Напротивъ, высота и твердость религіозно-нравственныхъ убѣжденій, строгость въ собственной жизни и одинаковая требовательность ко всѣмъ членамъ общества, цѣлою бездною раздѣляли его отъ окружающаго общества. Конечно, не въ силахъ было одного Амвросія пересоздать все пензенское общество. Поэтому если и представлялась возможность сближенія между обществомъ и архіереемъ, то единственно на почвѣ уступокъ со стороны послѣдняго. Но какія бы то ни было уступки совершенно противорѣчили характеру Амвросія. Онъ ни предъ кѣмъ не хотѣлъ жертвовать или

поступаться своими убѣжденіями. Онъ былъ твердъ какъ скала, настойчивость его характера, нерѣдко переходившая въ упорство, являлась по временамъ просто изумительною и иногда вселяла ужасъ даже въ постороннихъ свидѣтеляхъ его поступковъ. Настойчивость характера въ отдѣльныхъ случаяхъ увлекала Амвросія до самозабвенія. Такимъ образомъ, преосвящ. Амвросій, по самому своему характеру, долженъ былъ скоро разойтись со всѣмъ окружающимъ его обществомъ и дѣйствительно онъ разошелся и разошелся сознательно, въ полномъ убѣжденіи въ правотѣ своихъ дѣйствій и убѣжденій, разошелся радикально, открыто... Вся дѣятельность Амвросія въ пензенской епархіи, продолжавшаяся около десяти лѣтъ, поэтому представляла изъ себя ничто иное, какъ постоянную борьбу, которая все болѣе и болѣе осложнилась и наконецъ дошла до такихъ предѣловъ, далѣе которыхъ, кажется, и не могла идти. Нѣкоторые эпизоды борьбы, особенно въ своихъ подробностяхъ, даютъ поводъ къ заключенію о крайней рѣзкости, суровости дѣйствій Амвросія. Но замѣчательное явленіе: его рѣзкость не вызываетъ здѣсь непріятнаго впечатлѣнія, весьма мало возбуждаетъ въ себѣ чувство неудовольствія, а иногда, напротивъ, возбуждаетъ невольное уваженіе къ его нравственному мужеству и героизму и все это въ то время и тогда, когда закулисные дѣйствія и темныя мелочныя интриги его многочисленныхъ враговъ не сопровождаются никакимъ другимъ чувствомъ, кромѣ только одного чувства отвращенія. Разгадка такого явленія кроется въ томъ, по моему мнѣнію, что не смотря на свою односторонность и суровость, преосв. Амвросій во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ не выходилъ за предѣлы своихъ обязанностей,—онъ, какъ истинный архипастырь, предпочиталъ всему въ мірѣ служеніе одной правдѣ. Идея служенія правдѣ, которою руководствовался Амвросій, какъ бы невольно подкупаетъ въ его пользу и заставляетъ мириться съ черствостью его личнаго характера.

Неприглядное положеніе ожидало епископа Амвросія въ его епархіи. Пензенская епархіа,—одна изъ захолустныхъ уголковъ Россіи, не отличалась благоустройствомъ. Прежде всего епархіа много страдала отъ бѣдности. Бѣдность пензенскихъ церквей и духовенства была поразительна. Нѣтъ разсужденія о другихъ какихъ-нибудь духовныхъ учрежденіяхъ, даже самый центръ епархіальнаго управленія—архіерейскій домъ—бросался въ глаза всею

своею неприглядностію. Пензенскій архіерейскій домъ представлялъ изъ себя настоящія руины. Это не было въ собственномъ смыслѣ жилое помѣщеніе, онъ скорѣе походилъ на старый, уже заброшенный за негодностію, грязный постоялый дворъ, чѣмъ на постоянную резиденцію пензенскихъ владыкъ. Чтобы не быть въ данномъ случаѣ голословнымъ, я воспользуюсь имѣющимися въ моемъ распоряженіи письмами предшественника Амвросія—епископа Иннокентія, въ которыхъ съ обстоятельною подробностію рисуется вся неприглядность архіерейскаго житія въ Пензѣ. При этомъ нужно помнить, что Иннокентій былъ человекъ съ самыми скромными требованіями, отличался невзыскательностію до самой послѣдней степени, и если и онъ тѣмъ не менѣе высказывалъ жалобы на свое дурное положеніе, то значить уже были въ тому очень серьезныя причины. „Пензенская моя квартира, такъ писалъ Иннокентій въ одномъ изъ своихъ писемъ въ Петербургъ, походить на шалашъ, но страннику и того довольно, только смотря на развалины трудно было удержаться отъ осужденія и жалобъ“. „Меня послали, писалъ Иннокентій въ другомъ письмѣ, въ шалашъ или въ домъ, похожій на худой трактиръ: у дверей нѣтъ ни ключей, ни запоровъ, у шкаповъ, которые по большей части пообломаны, также нѣтъ ни одного ключа. Обои въ покояхъ иждѣ оборваны, иждѣ замазаны, закопчены; полы такъ плохи, что когда пойдешь на одинъ конецъ залы—на другомъ—поднимаются, скрипятъ. Стекла закопчены и составлены изъ малыхъ и битыхъ клочковъ, а крыльцо.... но это вещь не для жилья.... Третій этажъ съ полами и потолками провалился отъ дождей, теча была во второй этажъ. Чтожъ нужды? Сперва поропталъ, теперь привыкъ, теперь благословляю Господа моего“.

Такое жалкое состояніе пензенскаго архіерейскаго дома зависѣло отъ нищенскаго казеннаго оклада, ассигновавшагося въ то время вообще на архіерейскіе дома. Если эти оклады и теперь очень скудны, то въ то время они были еще скуднѣе. Пензенскій архіерейскій домъ и его штатъ при предшественникѣ Иннокентія—Аѳанасіи, поддерживали свое существованіе, главнымъ образомъ, путемъ поборовъ съ подвѣдомаго духовенства. При управленіи пензенскою епархіею Аѳанасія существовала даже особая такса со ставленниковъ, въ которой точно обозначалась сумма денегъ „на лице архіерея“ (со священ-

ника 6 р., діакона 3 р., дьяча въ стихарь 1 р. 50 к.), „на пѣвчихъ“ (со священника 10 р., съ діакона 5 р., съ дьяча 2 р. 50 к.), „на крестовыхъ іеромонаховъ и іеродіаконовъ и прочую архіерейскую свиту“ (со священника 10 р., съ діакона 5 р., а съ дьяча 2 р.). По словамъ Иннокентія нѣкоторымъ священство обходилось рублей въ триста и болѣе. Я нарочно привожу эти цифры, въ подлинности которыхъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній, потому что онѣ взяты изъ писемъ епископа Иннокентія къ одному изъ высшихъ свѣтскихъ чиновниковъ духовнаго вѣдомства, для того, чтобы всякій читатель могъ приблизительно нарисовать себѣ картину нашего епархіального управленія первой четверти XIX вѣка. Преосвященный Иннокентій самъ хотѣлъ было уничтожить систему поборовъ, но съ прекращеніемъ ихъ падалъ весь механизмъ епархіального управленія. „Все ползеть врозь, писалъ Иннокентій по поводу отмены имъ поборовъ, пѣвчіе говорятъ: одѣться нечѣмъ, изъ свиты прислужники просятся прочь, а самъ архіерей рѣшается распустить и изъ свиты часть и изъ пѣвчихъ часть, рѣшается также лучше ѣсть хлѣбъ съ водою, чѣмъ держаться такого побора“. Къ счастью пензенское общество, очень скоро и крѣпко полюбившее Иннокентія, сочувственно отнеслось къ бѣдственному положенію архіерейскаго дома и старалось поддерживать его своими пожертвованіями. Характеръ этихъ пожертвованій довольно оригиналенъ. Вотъ что пишетъ Иннокентій: „въ первый день какъ я рѣшился на сокращеніе архіерейскаго штата вдругъ присылаютъ пять четвертей ржи, — вотъ хлѣбъ, пятнадцать четвертей овса—вотъ кисель, черезъ недѣлю—три воза крупъ, муки и овса, еще черезъ нѣсколько дней два воза овса; скажите не довольно ли пропитанія мнѣ лично съ моими домашними? Такъ Господь строитъ, Ему Единому слава!“

Пензенскій каедральный соборъ ни своею внѣшнею наружностью, ни внутреннимъ убранствомъ не отвѣчалъ своему назначенію каедры мѣстнаго епископа. Онъ поражалъ своимъ внутреннимъ и внѣшнимъ убожествомъ. Соборъ не былъ даже достроенъ: верхній этажъ не былъ выведенъ до конца. Ризница каедрального собора отличалась такою же бѣдностью, какъ и весь соборъ. Скучность ея доходила до того, что въ составѣ ея находилась только одна, и та бѣдная, пара дикирій и трикирій.

Преосвященный Иннокентій, любившій, не смотря на свою болѣзнь, часто служить, высказывалъ жалобы на то, что ему невозможно служить вмѣстѣ со своимъ предшественникомъ Аванасіемъ. „Жаль, писалъ онъ, у обоихъ архіереевъ одни дивиріи и тривиріи и однѣ рипиды; въ праздникъ одинъ изъ насъ долженъ сидѣть дома за сею малостію“. Если такова бѣдность каедральнаго собора, то объ уѣздныхъ и сельскихъ церквахъ и говорить нечего послѣ этого: въ нихъ, по словамъ епископа Иннокентія, мало находилось внутреннихъ украшеній, церковная ризница состояла большею частію изъ ситцевыхъ, выбойчатыхъ или холщевыхъ облаченій, въ церквахъ пензенской епархіи съ трудомъ можно было найти самыя необходимыя для богослуженія книги.

Система поборовъ открывала широкое поле дѣятельности для полученія священства лицами недостойными и крайне вредно вліяла какъ на общество, такъ и на самое духовенство. Деньги, интриги и кумовство играли видную роль въ епархіальной администраціи пензенской епархіи. Отъ того и умственный, и нравственный уровень духовенства пензенской епархіи не отличался особенною высотой. Преосвященный Иннокентій горько жаловался на невѣжество своего духовенства, въ составѣ котораго находились, по его словамъ, такіе, которые не знали, что такое св. Троица, что такое молитва, о чемъ молиться, что такое символъ вѣры ¹⁾.

Таково было въ общихъ чертахъ состояніе Пензенской епархіи, когда во главѣ ея сталъ епископъ Амвросій I ²⁾. Новый архіерей энергически и съ жаромъ взялся за всѣ дѣла своей епархіи, находившійся въ большемъ застоѣ по случаю смерти своего предшественника. Онъ обнаружилъ при этомъ замѣчательную и всестороннюю кипучую дѣятельность. Ученныя занятія Амвросія въ Пензѣ не могли идти успѣшно и почти прекратились. Вмѣсто нихъ всю свою энергію онъ посвятилъ на благоустройство своей епархіи и достигъ въ этомъ отношеніи замѣчательныхъ успѣ-

¹⁾ Подобныя жалобы высказывалъ и преемникъ Амвросія Орнатскаго — извѣстный Иринеѣ Нестеровичъ, епископъ Пензенскій. См. „Христ. вѣст.“ 1881 г. май—июнь.

²⁾ Я называю Амвросія Орнатскаго Амвросіемъ I — въ отличіе его отъ другого Пензенскаго епископа Амвросія, по фамиліи Моревъ, управлявшаго пензенской епархіей съ 1835 г. по 1854 г. „Строевъ. Списки іерарховъ“, в. ж. 954 стр.

ховъ. Одною изъ первыхъ заботъ преосвященнаго Амвросія было приведеніе въ сносный порядокъ внѣшняго вида архіерейскаго дома. Онъ впрочемъ здѣсь только докончилъ поправки, отчасти начатыя, а отчасти и предначертанныя его предшественникомъ. Своро онъ далъ своему дому болѣе приличный видъ. Но онъ вообще не хотѣлъ тратить деньги на какія-нибудь излишнія украшенія дома или на убранство своихъ внутреннихъ покоевъ; онъ ограничивался удовлетвореніемъ требованій самой обыкновенной простоты и скромности. Очень много заботъ и издержекъ потратилъ преосвященный Амвросій на приведеніе въ благолѣпный видъ своего кафедральнаго собора. Въ первые годы его святительства въ Пензѣ и при его неусыпныхъ трудахъ заведена отстройка верхняго этажа кафедральнаго собора. Вся внутренность собора приведена въ порядокъ и, сколько было возможно, отдѣлана великолѣпно. Отсутствіе денежныхъ средствъ помѣшало заняться отдѣлкою наружнаго вида собора, который совнѣ выглядывалъ не совсѣмъ красивымъ и требовалъ большихъ затратъ на свою општукатурку. Преосвященный Амвросій весьма много хлопоталъ о благолѣпнн своего кафедральнаго собора и потому, что онъ, очень скромный въ своей домашней жизни, любилъ великолѣпіе и внѣшній блескъ какъ вообще церковнаго богослуженія, такъ въ частности и особенно архіерейскаго. Онъ очень любилъ служить и потому почти въ каждый праздникъ не только обѣдни, но даже всенощныя, а зимою—утрени служилъ всегда самъ и непремѣнно—въ своемъ любимомъ кафедральномъ соборѣ, который такъ много былъ обязанъ ему своимъ внутреннимъ великолѣпіемъ.

Священнослуженіе преосвященнаго Амвросія представляло весьма много интереснаго и отличалось замѣчательнымъ великолѣпіемъ и торжественностію. Священнослуженіе его поразало своею продолжительностію: его архіерейская обѣдня продолжалась почти до вечеренъ, всенощная тянулась едва не до полуночи. Порядокъ при богослуженіи во всѣхъ отношеніяхъ господствовалъ образцовый. О сослужащемъ духовенствѣ говорить нечего. Всѣ присутствующіе при богослуженіи, къ какому бы они классу общества не принадлежали, приучены были епископомъ къ самому строгому, по крайней мѣрѣ внѣшнему, благоговѣнію. Амвросій уничтожилъ всякія вольности молящихся при богослу-

женіи: разговоры, переходы съ одного мѣста на другое и нынѣ отступленія отъ церковнаго благоповеденія не могли имѣть мѣста при его священнослуженіи. Каждый замѣченный имъ не благоговѣнный поступокъ присутствующаго въ храмѣ, какъ бы онъ ни былъ, повидимому, незначителенъ, всегда сопровождался строгимъ и всенароднымъ выговоромъ со стороны архіерея. При этомъ Амвросій нисколько не стѣснялся общественнымъ положеніемъ того лица, въ которому направлялся его выговоръ. Грозный голосъ Амвросія, часто въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ бичевавшій на всю церковь неблагоговѣнно молящагося, сдѣлалъ то, что при его богослуженіи господствовала въ соборѣ мертвая тишина. Если не чувство искренняго благоговѣнія, то страхъ и опасеніе вызвать противъ себя публичный выговоръ строгаго архіерея связывалъ всѣхъ молящихся и вынуждалъ ихъ вести себя въ церкви благоговѣнно. И дѣйствительно очень тяжело приходилось тому, кто имѣлъ несчастіе обратить на себя вниманіе священнодѣйствовавшаго архіерея своимъ неприличнымъ поведеніемъ въ церкви. Разъ преосвященный Амвросій замѣтилъ разговаривающую въ церкви одну изъ самыхъ первыхъ высокопоставленныхъ дамъ въ Цезвѣ и грозно обрушился на нее съ обидновеннымъ своимъ рѣзкимъ выговоромъ. Та, понятно, страшно сконфузившись и отъ стыда, а можетъ быть во избѣжаніе дальнѣйшаго грознаго выговора архіерея, рѣшилась лучше выйти изъ церкви и направилась къ выходу. Амвросій продолжалъ свое пастырское внушеніе и когда замѣтилъ и понялъ смыслъ ея движенія—громео на всю церковь обратился въ ней съ вопросомъ и говорилъ ей въ слѣдъ: „куда бѣжишь?—Отъ гнѣва Божія не уйдешь!“—Въ другой разъ онъ приказалъ вынести изъ церкви кресла одной престарѣлой и почетной дамы, которая съ давнихъ лѣтъ или отъ дряхлости, а можетъ быть и для важности иногда позволяла себѣ садиться на нихъ во время богослуженія.

Амвросій любилъ большой блескъ при богослуженіи: богатое облаченіе, обиліе освѣщенія, многочисленность духовенства. Заимѣчательное зрѣлище представляло изъ себя его священнослуженіе. Особенною торжественностью отличались всенощныя. Обширный каедральный соборъ тогда освѣщался тысячею свѣчей и паннодиль, что при темнотѣ ночи производило большой эффектъ. Самъ архіерей, величественный и важный, въ богатыхъ

ризахъ, окруженный сонмомъ съ внѣшнимъ благоговѣніемъ и внутреннимъ страхомъ взиравшихъ на него священниковъ и діаконовъ, казался болѣе ветхозавѣтнымъ первосвященникомъ, чѣмъ простымъ епископомъ. Любопытную и торжественную картину представляли тогда выходы архіерея изъ алтаря, напр., для кажденія. Амвросія всегда сопровождала тогда цѣлая толпа діаконовъ. Изъ нихъ одни шли попарно впереди его съ большими зажженными свѣчами, другіе поддерживали его и вели подъ руки, третій рядъ діаконовъ шелъ позади архіерея и замыкалъ собою шествіе. Окруженный сонмомъ діаконовъ архіерей твердою поступью шелъ и медленно-важно кадилъ св. иконамъ и народу. Въ церкви все безмолствовало какъ въ могилѣ, хотя бы тутъ были тысячи народа: въ храмѣ слышались только пѣніе клира, шаги архіерея, тонкій звонъ колокольчиковъ архіерейскаго саккоса и чтеніе имъ соотвѣтствующихъ молитвъ. Дѣйствительно, эта священная церемонія представляла въ себѣ высокое и восхитительное зрѣлище.

Строгость Амвросія и продолжительность его службы уменьшили съ теченіемъ времени число постоянныхъ богомольцевъ въ кафедральномъ соборѣ. Случалось, что въ малые праздники при архіерейскомъ служеніи въ обширномъ соборѣ насчитывалось только нѣсколько десятковъ богомольцевъ. Но преосвящ. Амвросій всегда служилъ такъ, какъ если бы церковь была наполнена народомъ—съ тѣмъ же блескомъ и великолѣпіемъ и съ тою же продолжительностью. Впрочемъ многіе или изъ недавнихъ жителей Пензы, или пріѣзжіе обрекали себя на утомительное стояніе въ соборѣ для того только, чтобы посмотреть Амвросія во всемъ блескѣ и величіи его священнослуженія. Преосвященный Амвросій каждое свое священнослуженіе непремѣнно сопровождалъ проповѣдью. Онъ не любилъ заниматься въ своихъ проповѣдяхъ объясненіемъ свящ. Писанія, вмѣсто того матеріалъ для своихъ проповѣдей онъ черпалъ изъ жизни окружавшаго его общества, изъ нравовъ собственной своей паствы. Проповѣди его отличались замѣчательною продолжительностью: онѣ тянулись иногда на часъ, на полтора и даже на два часа. Продолжительность ихъ обуславливалась отчасти и характеромъ ихъ произношенія. Амвросій говорилъ всегда свои поученія народу безъ приготовленія, экспром-

томъ ¹⁾, медленно, съ большими паузами и разстановками. Проповѣди свои Амвросій произносилъ отчетливо и громко—иногда до того, что его сильный голосъ гремѣлъ на весь соборъ и невольно заставлялъ присутствующихъ внимать слову своего пастыря. Тонъ его проповѣдей во многомъ отображалъ собою личный характеръ самаго проповѣдника. Его проповѣди всегда имѣли суровый обличительный характеръ и бичевали собою недостатки и пороки общества. Въ проповѣдяхъ Амвросія не было никакого снисхожденія ни къ какимъ слабостямъ человѣческимъ. Все, что только не было добродѣтельно, отождествлялось имъ съ названіемъ грѣха, тяжкаго, великаго грѣха. Самъ строгій аскетъ, Амвросій требовалъ и отъ своей паствы чуть не полного отверженія отъ міра, строгаго поста, непрестанной молитвы и святыхъ трудовъ; за все мірское онъ грозилъ гнѣвомъ Божиимъ, предрекалъ бѣдствія на землѣ и возвѣщалъ кары небесныя. Въ послѣднемъ случаѣ рѣчь его была особенно неумолима, грозна и напоминала собою грозныя обличительныя рѣчи ветхозавѣтныхъ пророковъ.

Частная домашняя жизнь преосв. Амвросія отличалась необыкновенною простотою и несложностію. Его столъ не имѣлъ никакихъ слѣдовъ изысканности и ограничивался хлѣбомъ, водою, огурцами и рѣдькою; великимъ постомъ, онъ принималъ только по одной или по двѣ просфоры въ теченіе цѣлой недѣли. Амвросій отличался замѣчательнымъ безкорыстіемъ: значительная часть его денежныхъ средствъ и даже его вещей переходила въ руки нищихъ. Во время каждаго священнослуженія архіерея въ соборѣ, крыльцо архіерейскаго дома обыкновенно наполнялось многочисленною толпою нищихъ, ожидавшихъ возвращенія его изъ собора. Являлся Амвросій, раздавалъ имъ всѣ находившіяся у него деньги, и если ихъ оказывалось недостаточно, то отдавалъ самый опустѣвшій свой кошелекъ, платокъ, иногда снималъ съ себя даже поясъ. Когда же и этого оказывалось недостаточно, то онъ быстро входилъ къ себѣ въ домъ, и нерѣдко выносилъ и раздавалъ бѣд-

¹⁾ Предварительно писанную проповѣдь Амвросій говорилъ въ Пензѣ только всего одинъ разъ: это именно при освященіи кафедральнаго собора. Изъ проповѣдей преосв. Амвросія, насколько извѣстно, издано только одно слово въ день празднованія Донской иконѣ Божіей Матери. М. 1816, но оно приписывается ему только по догадкѣ и едва-ли основательно. -Странникъ, 1869 г., ноябрь, стр. 39—40.

нымъ послѣднія свои вещи и вещи самой первѣйшей необходимости. Случалось, что онъ отдавалъ бѣднякамъ послѣднее свое полотенце. Амвросій любилъ помогать бѣднымъ и другимъ путемъ: онъ тайно помогалъ такимъ бѣднымъ, которые по своему общественному положенію не могли стать въ разрядъ обыкновенныхъ нищихъ.

Преосвященный Амвросій представлялъ изъ себя замѣчательную и типическую личность и какъ епархіальный администраторъ. Довольно распушенная до него пензенская епархія, при немъ окончательно преобразилась. Беспорядки въ церковной жизни епархіи отошли въ область преданій. Амвросій сразу подтянулъ все и сосредоточилъ исключительно въ однѣхъ своихъ рукахъ всѣ нити управленія обширною епархією. При немъ не состояло никакихъ особыхъ довѣренныхъ лицъ, около его особы не было ни любимцевъ, ни совѣтниковъ. Онъ въ своемъ собственномъ лицѣ сосредоточилъ всю судьбу своей епархіи.

Преосвященный Амвросій постарался ввести въ своей епархіи болѣе правильные порядки при богослуженіи. Указы за указами легли по всѣмъ направленіямъ его епархіи, въ которыхъ духовенству строго на строго предписывалось заботиться о церковномъ благочиніи. Амвросій всюду требовалъ аккуратнаго исполненія всего церковнаго богослуженія, чистоты и вообще образцоваго порядка во всѣхъ церквахъ своей епархіи. Особенно онъ постарался поднять въ своей епархіи проповѣдь; по его распоряженіямъ ни одна праздничная обѣдня не должна обходиться безъ чтенія (хотя бы то чужой) проповѣди: скоро въ пензенской епархіи явились священники съ талантами, которые приучились сами произносить проповѣди экспромтомъ; нѣкоторые изъ нихъ, въ своей строгости къ мірянамъ, приближались даже къ своему грозному владыкѣ. Вообще, при архипастырствѣ Амвросія въ пензенской епархіи водворились прекрасные порядки въ тамошнихъ церквахъ. Разумѣется, встрѣчались по мѣстамъ, особенно въ глухихъ селеніяхъ, разныя уклоненія, но онѣ скоро пресѣвались, благодаря удивительной энергіи пензенскаго владыки. Разгадка быстрого водворенія порядка въ разныхъ частяхъ епархіальнаго управленія кроется въ строгомъ, а иногда даже въ суровомъ характерѣ преосв. Амвросія, который конечно, въ соотвѣствующихъ чертахъ, отражался на всемъ его правленіи. Водво-

рять порядокъ въ епархіи Амвросію удалось ничѣмъ инымъ, какъ системою террора, системою постоянныхъ и строгихъ наказаній. Онъ не зналъ никакихъ мѣръ снисхожденія. Ни одинъ человѣкъ изъ духовенства не избѣгалъ самаго строгаго наказанія за самый первый и маловажный свой проступокъ. Амвросій отличался замѣчательною неутомимостью въ наказаніяхъ. Мало подготовленные къ исполненію своихъ высокихъ обязанностей, священнослужители всегда вызывались въ кафедральный городъ и здѣсь подвергались продолжительному (по полугоду, по году и болѣе) и крайне тяжелому испытанію, преимущественно въ архіерейскомъ домѣ. Въ это время вызванные на исправленіе священнослужители приучались въ Пензѣ къ порядкамъ городскихъ церквей, кромѣ того они почти ежедневно должны были являться на лицо къ архіерею, который излагалъ предъ ними правила и обязанности ихъ служенія. При этомъ дѣло никогда не обходилось безъ выговоровъ, способность къ которымъ развита была у Амвросія въ высшей степени. Обладая острымъ умомъ, отличаясь рѣзкостью въ выраженіяхъ и вообще не стѣсняясь никогда въ выборѣ подходящихъ словъ, онъ иногда одними своими выговорами каралъ такъ же, какъ и настоящими административными наказаніями ¹⁾. Иные соглашались скорѣе понести то или другое наказаніе, чѣмъ

¹⁾ Нѣкоторые изъ резолюцій преосвященнаго Амвросія отличались своеобразнымъ остр. умомъ. Такъ въ одномъ селѣ Городищенскаго уѣзда, въ утреню на первый день пасхи, когда духовенство вышло христосоваться съ народомъ и когда позади священника, діакона и дьячка поставлены были кадучки для сбора яицъ, священникъ замѣтилъ, что діаконъ, кладя въ свою мѣру подносимыя крестьянами яйца, въ то же самое время перебрасывалъ къ себѣ яйца изъ кадучки священника. Открылся споръ, перешедшій скоро въ крупную ссору. Діаконъ не унимался... а священникъ сталъ бить діакона и отнимать у него яйца. Діаконъ, разгорячившись, вскочилъ въ кадучку священника и со словами: «ну, такъ никому не доставайся», началъ топтать яйца ногами. Дьячекъ подзадоривалъ діакона и легонько подсвистывалъ водъ его оригинальную пляску. Объ этомъ случаѣ узналъ мѣстный благочинный и не замедлил явиться за разслѣдованіемъ дѣла. Виновные, чтобы потушить крайне неприятное для нихъ дѣло, подарили благочинному каждый по кадучкѣ меду. Между тѣмъ скандалъ оказался настолько громкимъ, что о немъ къ-то донесено было епископу Амвросію. Послѣдній на доносѣ нависалъ слѣдующую резолюцію: «Священника драчуна, діакона плясуна, дьячка свистуна и благочиннаго сластуна вызвать на судъ въ консисторію». — Мнѣ кажется, представленный рассказъ о поступкѣ духовныхъ лицъ, въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, отличается большимъ преувеличеніемъ.

попасть подь острое и ѣдкое слово своего владыки. Еще тяжелѣе было положеніе священнослужителей, чѣмъ нибудь провинившихся предъ епархіальною властью, а при изумительной строгости, доходившей иногда до щепетильности и простой придирчивости архіерея, не было ничего легче какъ попасть предъ нимъ въ число опальныхъ и виновныхъ людей. Во время правленія Амвросія Пенза всегда наполнена была массою подначальныхъ священниковъ, дьяконовъ и причетниковъ, по первому приказу своего грознаго владыки являвшихся сюда изъ разныхъ, иногда самыхъ отдаленныхъ, уголковъ епархіи „на покаяніе и исправленіе“. Пензенскій архіерейскій домъ временъ Амвросія много напоминалъ собою какое-нибудь исправительное заведеніе для преступниковъ изъ духовенства. Иногда при архіерейскомъ домѣ собиралась такая масса опальныхъ священнослужителей, что нѣкоторыхъ изъ нихъ принуждены были отсылать на исправленіе въ ближайшіе къ Пензѣ монастыри, гдѣ этихъ несчастныхъ ожидали большія матеріальныя лишенія и гдѣ также выпадало на ихъ долю не мало и нравственныхъ униженій. Можно представить себѣ и все горе тѣхъ семействъ духовенства, главы которыхъ оказывались на годичномъ или полугодичномъ испытаніи архіерейской власти. Семейства за все это время находились въ постоянномъ страхѣ за судьбу своего главнаго члена, терпѣли большой недостатокъ въ самомъ необходимомъ, оставались безъ всякой помощи и часто раззорялись въ конецъ. Много приходилось выстрадать и попавшему подь начало тому или другому духовному лицу вдали отъ своей родной семьи и, хотя ѣднаго, но все-таки роднаго очага. Преосвященный Амвросій самъ сознавался, что онъ былъ строгъ, но въ то же время онъ говорилъ (уже живя на покой въ Кириллобѣлозерскомъ монастырѣ), что онъ никого не дѣлалъ несчастнымъ. Утверждая такъ, онъ былъ съ своей точки зрѣнія правъ, потому что дѣйствительно всѣ виновные, послѣ понесенныхъ ими исправительныхъ наказаній, возвращались на прежнія мѣста и такимъ образомъ не лишались тѣхъ средствъ къ своему существованію, которыми они располагали прежде. Системою своихъ наказаній, Амвросій навелъ страхъ на всю свою обширнѣйшую епархію. Одно имя его являлось грозою для всего духовенства. Даже окружавшія его при богослуженіи духовныя лица, какъ болѣе привыкшія къ нему, и тѣ съ затаеннымъ страхомъ и замираніемъ сердца исполняли при немъ

свои обязанности. Что же касается до сельскаго духовенства, то оно при одномъ извѣстїи о выѣздѣ архіерея для ревизїи епархїи приходило въ панической страхъ и ожидало его прїѣзда, какъ великаго гнѣва Божїя... Суровое правленіе Амвросїи сдѣлало то, что, на языкѣ подчиненнаго ему духовенства, его имя часто соединялось съ эпитетомъ Грознаго.

При своихъ высокихъ взглядахъ на положеніе архіерея, какъ единственнаго и высшаго блюстителя интересовъ церкви въ епархїи, и при своемъ твердомъ характерѣ, преосвященный Амвросїи скоро разошелся съ представителями мѣстной гражданской власти въ Пензѣ. Мѣстная гражданская власть какъ-то вообще недружелюбно относилась къ енархіальной власти и старалась при каждомъ удобномъ случаѣ вредить ей. Самоуправство представителей гражданской власти въ Пензѣ въ то время простиралось до того, что она при предшественникѣ Амвросїи, Аѳанасїи, сѣумѣла отобрать отъ архіерейскаго дома и тотъ ничтожный участокъ земли, которымъ владѣлъ долгое время послѣдній ¹⁾. Амвросїи, явившись въ Пензу, выступилъ крѣпкимъ защитникомъ интересовъ церкви и духовенства противъ всякихъ посягательствъ на нихъ со стороны свѣтскихъ властей. При этомъ онъ слишкомъ широко понималъ права церкви и потому въ каждомъ отдѣльномъ поступкѣ свѣтскаго человѣка, направленномъ противъ того или другого духовнаго лица, видѣлъ оскорбленіе церкви и считалъ себя нравственно обязаннымъ выступать на ея защиту.

¹⁾ Вотъ любопытное письмо епископа Иннокентїя Пензенскаго, касающагося этого обстоятельства. „Я дерзаю, писавъ Иннокентїю между прочимъ къ одному знакомому лицу въ Петербургъ, просить земли у всемилющїйшаго государя для архіерейскаго дома, той земли, которою домъ 18 лѣтъ пользовался, лучше сказать не земли, а переѣсковъ. Въ другомъ мѣстѣ также тридцать двѣ десятины, законно принадлежащїя архіерейскому дому, отмежеваны: лугъ архіерейскїи, а переѣсковъ раздѣляющїи или пересѣкающїи полюу — казенный. Правда, казеннымъ сталъ считать форшмейстеръ, — сталъ прятѣсывать и въ травѣ; когда варубать дровъ или прутьевъ изъ переѣска, онъ поймаетъ, посадитъ подъ караулъ... и чего не дѣлаетъ .. Это началось года съ три назадъ, а прежде архіерейскїи домъ пользовался всѣмъ сплошь и домыкъ тамъ выстроены для прїѣзда, теперь уже ветхы, надобно возобновлять, если государь сдѣлаетъ милость, возвратитъ дому владѣемое“. Примѣры недружелюбныхъ отношенїй гражданской власти въ Пензѣ къ архіереямъ были и при времннхъ Амвросїи, Иринеѣ. „Христ. Чтенїе“, 1881 г., май — іюнь. В. Ж.

Преосвященный Амвросій сразу же разошелся съ пензенскимъ гражданскимъ губернаторомъ, которымъ въ то время оказалось лицо, не вполне отвѣчавшее своему высокому назначенію. Полный аристократической спѣси, избалованный широкимъ просторомъ заходустнаго житья, онъ требовалъ отъ всѣхъ безусловнаго повиновенія и свою волю ставилъ выше законовъ. Новый архіерей скоро далъ почувствовать свою силу избалованному властолюбцу и тѣмъ сдѣлалъ изъ него самаго злѣйшаго своего врага. Однако это нисколько не беспокоило архіерея въ виду того, что онъ самъ всегда дѣйствовалъ въ предѣлахъ строгой законности. Амвросію не любилъ и не умѣлъ интриговать. Онъ всегда открыто шелъ на борьбу и дѣйствовалъ прямо. Положеніе губернатора въ данномъ случаѣ оказалось менѣе удобнымъ. За нимъ имѣлось много грѣшковъ: его гражданская администрація отличалась распушенностью и своеволіемъ; самъ онъ слишкомъ преслѣдовалъ низшій классъ общества, защиту котораго, хотя и косвенно, взялъ на себя мѣстный безкорыстный архіерей. Ясно, губернатору не представлялось никакой возможности дѣйствовать противъ архіерея путемъ открытой борьбы. И право, и симпатіи чернаго народа находились не на его сторонѣ. Губернатору представлялась возможность вредить архіерею только косвенными путями, посредствомъ закулисныхъ интригъ и тайныхъ происковъ. Онъ, дѣйствительно, и избралъ этотъ путь борьбы съ мѣстнымъ архіереемъ. Преосвященный Амвросій не хотѣлъ знать и предупреждать подпольныя нападенія своего врага и, усвоивъ взглядъ на него, какъ на врага церкви, а не его лично, старался карать его церковными мѣрами. Онъ нерѣдко касался въ своихъ проповѣдяхъ тѣхъ нравственныхъ безобразій въ мѣстной гражданской администраціи, которыя источникомъ своимъ имѣли нивого другого, какъ самаго губернатора. Случалось, что въ присутствіи въ соборѣ губернатора грозный владыка весь смыслъ и строго обличительный тонъ проповѣди обращалъ прямо на него. Губернаторъ зналъ за собою слабости и потому, во избѣжаніе открытыхъ обличеній строгаго и безцеремоннаго епископа, старался вообще уклоняться отъ встрѣчъ съ нимъ. Сначала онъ прекратилъ свои посѣщенія архіерея, равно какъ значительно сократилъ число своихъ посѣщеній и кафедральнаго собора. Сюда онъ сталъ являться только по необходимости, по долгу службы, — въ дни высокаторжественные, и тогда на время

объднн онъ становился въ одномъ изъ самыхъ отдаленныхъ уголковъ церкви для того, чтобы не быть замѣченнымъ архіереемъ и не попасть подъ его острое слово. Вообще губернаторъ боялся архіерея какъ огня, и за свою боязнь старался мстить ему подпольными путями. Для того, чтобы повредить архіерею и по возможности свергнуть его съ кафедръ, губернаторъ рѣшился воспользоваться ожидавшимся въ 1824 году прїѣздомъ въ Пензу государя Александра Павловича, когда онъ могъ то лично, то чрезъ приближенныхъ къ государю особъ многое наговорить ему объ архіерей и тѣмъ избавить себя отъ строгаго и твердаго обвинителя.

Еще за годъ въ Пензѣ стало извѣстно, что въ 1824 году этотъ городъ посѣтитъ императоръ Александръ Павловичъ. Въ Пензѣ всюду закипѣли приготовленія къ пріему рѣдкаго гостя. Преосвященный Амвросій точно также весьма сочувственно отнесся къ извѣстію о прїѣздѣ государя, и началъ свои приготовленія къ его пріему. Главною заботою архіерея служила отстройка кафедральнаго собора, который онъ самъ возстановилъ и украсилъ внутри, но который снаружи оставался еще въ неотдѣланномъ видѣ. Преосвященный жертвовалъ всѣмъ своимъ ограниченнымъ достояніемъ для реставраціи собора, но этихъ средствъ оказалось слишкомъ недостаточно. Поэтому онъ былъ чрезвычайно обрадованъ, когда узналъ, что пензенскіе дворяне, въ виду прїѣзда государя, согласились собрать большую сумму денегъ, необходимую для исполненія наружнаго украшенія собора. Но радость и восторгъ Амвросія оказались непродолжительными и смѣнились большими для него огорченіями. Располагая достаточною суммою денегъ, преосвященный уже готовился приступить къ распоряженіямъ по отдѣлкѣ собора, какъ вдругъ, въ изумленію всѣхъ, былъ остановленъ... Оказалось, что же? Губернаторъ, благодаря своимъ связямъ въ Петербургѣ, жестоко, какъ онъ предполагалъ, отплатилъ архіерею. Онъ исходатайствовалъ повелѣніе, которымъ отстройка собора поручалась ему, губернатору, на томъ, нужно сказать ложномъ, основаніи, что деньги, необходимыя для отстройки церкви, были собраны съ дворянъ и слѣдовательно и употребленіе ихъ принадлежитъ гражданскому (?) начальству. Нечего и говорить о томъ, какъ глубоко огорчился Амвросій такимъ низкимъ образомъ дѣйствій своего врага и всею несправедливостью иско-

датыствованнаго имъ распоряженія. Изъ-подъ наблюденія архіерея отнимали каедральную его церковь, имъ возстановленную изъ развалинъ, имъ украшенную внутри — церковь, для благолѣнія которой онъ жертвовалъ всѣмъ своимъ достояніемъ, которую онъ такъ любилъ и лелѣялъ и въ которой онъ привыкъ священнодѣйствовать. Крайне тяжело было Амвросію видѣть, что въ то самое время, когда всѣ власти заняты были приготовленіями въ пріѣзду государя.. только одинъ архіерей оказался, помимо своей воли, не у дѣлъ и сталъ въ Пензѣ какъ бы лишнимъ человѣкомъ, не смотря на то, что въ нихъ, по самому его высокому положенію, ему должны были принадлежать самая выдающаяся роль и почетное мѣсто. Дѣйствительно, трудно описать всю глубину сдѣланнаго архіерею оскорбленія — и это тѣмъ болѣе, что въ основѣ дѣйствій губернатора не находилось ни одного законнаго начала, и всѣмъ дѣломъ заправляло только низкое мелочное чувство оскорбленнаго человѣка. На этомъ одномъ губернаторъ не думалъ останавливаться. Достигнувъ одного униженія архіерея, онъ пошелъ дальше. Къ архіерейскому дому въ Пензѣ со стороны площади примыкалъ въ то время садъ, приходившійся противъ губернаторскаго дома, гдѣ предназначалась квартира для императора на случай его пріѣзда въ Пензу. Вдругъ, совершенно неожиданно для Амвросія, получается исходатыствованное все тѣмъ же губернаторомъ повелѣніе уменьшить почти на половину прилегающій къ архіерейскому дому садъ. Это, повидимому, дѣлалось въ видахъ улучшенія города, но на самомъ дѣлѣ съ тайнымъ расчетомъ оскорбить и унижить архіерея, у котораго на основаніи выхлопотаннаго губернаторомъ повелѣнія, безъ всякаго вознагражденія, отнимали собственность, не испросивъ его согласія и даже совсѣмъ не предупредивъ его. Это, дѣйствительно, такая вопіющая несправедливость, которая невозможна не только въ отношеніи архіерея, но даже всякаго частнаго лица и только можно удивляться изобрѣтательности тогдашняго начальника пензенской губерніи.

По своему благочестивому настроенію преосвященный Амвросій легко могъ бы, во имя христіанскаго смиренія, примириться съ тѣми оскорбленіями, которыя выпадали на его долю со стороны губернатора. Онъ не хотѣлъ мстить за наносимыя ему личныя оскорбленія, но здѣсь онъ взглянулъ на дѣло иначе. Въ дѣй-

ствіяхъ губернатора онъ видѣлъ не одно оскорбленіе собственной личности. Онъ думалъ, что въ лицѣ его унижается достоинство церкви и что для поддержанія его онъ, какъ православный епископъ, по необходимости, въ силу своихъ обязанностей, долженъ отстоять высокое значеніе архіерея. Амвросій открыто и рѣшительно выступилъ на защиту церкви и во все продолженіе борьбы оставался неповолебимо твердъ, какъ гранитная скала. Зная хорошо то, что губернаторъ, благодаря своимъ связямъ въ столицѣ, сильнѣе его и не желая самъ или, можетъ быть, не рассчитывая на постороннюю поддержку въ высшихъ сферахъ для себя самаго, Амвросій тѣмъ не менѣе нисколько не хотѣлъ сойти съ однажды избраннаго пути и поставилъ себѣ за правило—лучше погибнуть въ борьбѣ, чѣмъ измѣнить своему характеру.

Преосвященный Амвросій возвышался въ глазахъ общества тѣмъ, что онъ ревновалъ за правду. Послѣ известной исторіи съ поправкой собора, Амвросія крайне огорчало то, что при громаднѣхъ улучшеніяхъ наружнаго вида города, вызванныхъ ожидавшимся пріѣздомъ государя, гражданскія власти весьма много удручали работами бѣдныя и низшія сословія города. Пензенскій епископъ выступилъ здѣсь заступникомъ угнетенныхъ и обратился къ единственному находившемуся въ его распоряженіи средству—къ публичному слову. Амвросій при каждомъ удобномъ случаѣ въ церкви-ли, или у себя дома поражалъ своихъ противниковъ грозными ударами своего сильнаго и остраго слова. Раздраженный послѣдними дѣйствіями губернатора, Амвросій преслѣдовалъ и его, и его сторонниковъ разными, иногда обидными выходками, а еще чаще колкостями и остротами, способность въ которыхъ развита была у него издавна. Нѣкоторыя изъ остроумныхъ его выходковъ соединяли въ себѣ замѣчательное сочетаніе и оригинальности, и правдивости до того, что онѣ вызвали собою удивленіе современниковъ и какъ такія долгое время оставались въ памяти народа и передавались изъ рода въ родъ. Ко времени пріѣзда государя въ Пензу весь городъ наполнился разсказами объ остротахъ и оригинальныхъ поступкахъ архіерея, и грозный пензенскій владыка сосредоточилъ на себѣ вниманіе не только мѣстныхъ жителей, но и пріѣзжихъ знатныхъ лицъ, какъ-то: Са-кень, Дибичъ, Нессельродъ, Толь, Горчаковъ, Сипягинъ и другіе, аввшіеся въ Пензу въ ожиданіи пріѣзда государя. Въ средѣ

пріѣзжихъ людей Амвросій въ то время сдѣлался самою любопытною личностью.

Быль, между прочимъ, таковой случай. Среди приготовленій къ пріѣзду государя пензенскія власти обратили преимущественное вниманіе на главную соборную площадь, гдѣ находились дома губернатора и архіерея. Послѣ того, какъ архіерей устраненъ былъ отъ участія въ поправкѣ собора, онъ окончательно отказался отъ всякихъ приготовленій и не дѣлалъ положительно никакихъ поправокъ по архіерейскому дому. Между тѣмъ нужда въ поправкахъ сознавалась сильно и была очевидна для всѣхъ. Амвросій какъ-бы замеръ въ своей дѣятельности и упорно держивался отъ всякихъ приготовленій и при напомнаніяхъ о нихъ отдѣлывался болѣе колкостями и остротами. Однажды губернаторъ Лубяновскій поручилъ полиціймейстеру съѣздить къ преосвященному съ просьбою о томъ, чтобы онъ приказалъ къ пріѣзду государя очистить отъ грязи и мусора площадь, лежащую предъ архіерейскимъ домомъ и въ особенности убрать камень, сложенный у стѣны архіерейскаго сада. „Хорошо, сказалъ Амвросій явившемуся полиціймейстеру,—эту нечистоту можно убрать. Но куда мы уберемъ тебя съ губернаторомъ? Васъ хоть въ землю зарой, а дѣла ваши не свернутся.... Безобразнѣе васъ обоихъ ничего нѣтъ въ Пензѣ“. Этотъ рассказъ имѣетъ нѣсколько вариаций, а иногда даже, что впрочемъ совершенно невѣрно, приписывается не Амвросію, а преемнику его, Иринею Нестеровичу, но сущность разсказа передается болѣе или менѣе одинаково ¹⁾).

Выходка Амвросія, имѣвшая слишкомъ обидный смыслъ для губернатора и полиціймейстера, всецѣло направлялась противъ ихъ нравственныхъ качествъ. По словамъ другихъ современниковъ, лично знавшихъ и преосвященнаго Амвросія, и полиціймейстера, коллежскаго совѣтника Демьяна Петровича Путяту, слова преосвященнаго имѣли совершенно иной смыслъ. Дѣло въ томъ, что полиціймейстеръ Путята, извѣстный въ Пензѣ за добраго и честнаго человѣка, къ сожалѣнію отличался непріятною наружностью,

¹⁾ Разсказъ объ этой выходкѣ Амвросія помѣщенъ въ „Русской Старинѣ“ 1872 г., мартъ, стр. 480—481, и 1879 г., августъ, стр. 729—730. Приписывается онъ Иринею Нестеровичу въ „Русской Старинѣ“ 1879 г., январь, томъ XXIV, стр. 159; февраль, стр. 366, 368—369. В. Ж.

будучи косымъ и курносимъ. Когда онъ, по приказанію губернатора, явился къ преосвященному Амвросію съ просьбою о поправкахъ по архіерейскому дому, преосвященный, не смотря на очевидную необходимость, не хотѣлъ исполнить просьбы губернатора. Полиціймейстеръ замѣтилъ на это архіерею, что безобразіе по городу, нетерпимое ни въ какое другое время, тѣмъ менѣе можетъ быть допущено въ виду прибытія государя; а преосвященный Амвросій, улыбаясь, спросилъ обладавнаго, какъ уже извѣстно, невзрачною фізіономіею полиціймейстера: „а куда же губернаторъ дѣнетъ твое-то безобразіе?“¹⁾ Съ трудомъ можно согласиться съ переданнымъ разсказомъ, потому что онъ отзывается не только грубостью, но и противорѣчить нравственному чувству. Едва-ли преосвященный Амвросій, и какъ епископъ, и какъ еще болѣе человѣкъ, отличавшійся высокимъ благочестіемъ, могъ снизойти до простой, вульгарной насмѣшки надъ вѣшними недостатками человѣка. Мнѣ кажется, такъ какъ переданный выше разсказъ сообщенъ самимъ дѣйствующимъ лицомъ — полиціймейстеромъ, то онъ, какъ непосредственно заинтересованное лицо, и могъ дать такой тонъ словамъ архіерея, который бы касался его въ менѣе обидномъ для него смыслѣ.

Ко времени пріѣзда государя въ Пензу сюда собранъ былъ весь второй пѣхотный корпусъ. Въ Пензу прибылъ и главнокомандующій арміей графъ, а впоследствии князь, Сакенъ вмѣстѣ съ начальникомъ своего штаба Толемъ. Командиромъ собраннаго въ Пензѣ корпуса состоялъ князь Андрей Ивановичъ Горчаковъ. Наѣхавшіе высшіе военные чины, при общей чистотѣ города, не могли не обратить вниманія на неприглядный видъ мѣстности, прилегающей къ архіерейскому дому. Главнокомандующій Сакенъ стелъ съ своей стороны нужнымъ напомнить пензенскому архіерею о поправкахъ по архіерейскому дому и объ очисткѣ прилегающей къ нему мѣстности. Онъ послалъ къ нему одного изъ своихъ адъютантовъ съ порученіемъ просить его объ исправленіяхъ по архіерейскому дому.

— „Вашъ генераль—нѣмецъ, сказалъ Амвросій адъютанту Сакена, а потому и не знаетъ, что русскіе архіереи не занимаются чиствою улицъ и площадей; ихъ дѣло очищать души; если хо-

¹⁾ Г. И. Мѣшковъ. „Русская Старина“ 1879 г., августъ, стр 729—730.

четь генераль, чтобъ я его почистилъ, пусть пришлетъ свою душу“¹⁾).

Этотъ разсказъ въ нѣкоторыхъ своихъ подробностяхъ не вполне отвѣчаетъ характеру Амвросія и притомъ выраженъ языкомъ слишкомъ простымъ и нелитературнымъ, что едва ли могъ допустить умный и ученый епископъ. Перехода изъ устъ въ уста, изъ поволенія въ поволеніе, разсказъ, вѣрно, можетъ быть, передавая мысль Амвросія, получилъ вульгарную окраску.

Съ наступленіемъ весны 1824 года начались поправки пензенскаго кафедральнаго собора. Поднялись дѣла вокругъ церкви, началась установка колоннъ и штукатурка всего зданія. Все это видѣлъ Амвросій изъ оконъ своихъ покоевъ и, конечно, много вынесъ внутренней борьбы при видѣ кипучей работы вокругъ любимой имъ церкви, отъ наблюденія надъ которою святотатственно отъклонили его низкія интриги губернатора. Но вотъ, наконецъ, принялись ломать ограду архіерейскаго сада и, замѣчательно, не предупредивши и не спросивши самаго архіерея... Это происходило въ началѣ іюня. Какъ ни вѣрнопъ и силенъ былъ характеръ Амвросія, все таки и онъ не вынесъ своего публичнаго позора. Амвросій не могъ равнодушно смотрѣть на то, что происходитъ вокругъ него, и скрылся изъ Пензы. Въ одинъ изъ іюньскихъ дней въ столовой архіерейскаго дома былъ поданъ обѣдъ. Преосвященный не показывался еще въ свою столовую и изъ внутри своего кабинета далъ приказаніе заложить карету. Архіерейскіе келейники думали, что владыка желаетъ прокатиться предъ обѣдомъ. Подали карету, преосвященный молча сѣлъ въ нее и на вопросительные взгляды сопровождавшаго его келейника и вѣчера онъ только махнулъ рукою. Кучеръ, уже долгимъ опытомъ приученный понимать капризы своего владыки, поѣхалъ въ томъ направленіи, въ какомъ вздумалось ему самому, предполагая, что владыка предоставилъ это его выбору, что нерѣдко случалось съ нимъ и прежде. Но вотъ проѣзжаютъ одну улицу, за нею другую и третью... и такъ проѣзжаютъ въ одномъ направленіи почти чрезъ весь городъ. Кучеръ нерѣдко оборачивается назадъ и бросаетъ вопросительные взгляды въ дверцы кареты. Амвросій, отлично понимая смыслъ этихъ взглядовъ, отвѣчалъ на нихъ по

¹⁾ „Русск. Стар.“ 1872 г., мартъ, стр. 481.

прежнему однимъ движеніемъ руки. Архіерейская карета направилась далѣе, проѣхала городскую заставу. Возница приходитъ въ недоумѣніе и опять вопросительные его взгляды направляются въ дверцы кареты, откуда опять прежнее безмолвное мановеніе архіерея. Такъ проѣхали по большой дорогѣ около двадцати верстѣ. Кучеръ, недоумѣнію котораго не было предѣловъ, уже съ нескрываемымъ безпокойствомъ снова заглянулъ въ карету.... Преосвященный опять молча указалъ ему рукою на видѣвшееся вблизи селеніе и вотъ чрезъ нѣкоторое время архіерейская карета остановилась у сельской церкви. Преосвященный вошелъ съ благоговѣніемъ въ церковь, долго молился въ ней, затѣмъ произвелъ строгую ревизію духовенства и провелъ ночь въ домѣ пригласившаго его священника. На другой день повторяется прежняя исторія: Амвросій молча садится въ карету, возница и вельникъ снова обращаются къ нему съ вопросительными взглядами и снова все тотъ же нѣмой отвѣтъ рукою, и таже поѣздка въ невѣдомый путь. Въ такихъ своихъ непрерывныхъ странствованіяхъ по епархіи преосвященный Амвросій провелъ около двухъ мѣсяцевъ. Онъ дѣлалъ перѣзды по шестидесяти, а иногда болѣе верстѣ въ сутки, останавливаясь по два или по три раза въ день для отдыха въ селеніяхъ, проѣхалъ тысячи верстѣ, искрестилъ свою епархію по всѣмъ направленіямъ и вездѣ производилъ самую строгую ревизію. Ревизуя церкви, Амвросій вездѣ, гдѣ только замѣчалъ малѣйшіе безпорядки, строго взыскивалъ со священниковъ и другихъ членовъ клира: однихъ подвергалъ наказаніямъ на мѣстѣ, другихъ отсылалъ для исправленія въ Пензу.

Во время своей продолжительной поѣздки преосвященный не нигдѣ съ собою ничего ни для себя лично, ни для прислуги, ни даже для лошадей. На дорогѣ онъ останавливался для отдыха одинаково и у священниковъ, и у крестьянъ, и у помѣщиковъ и вездѣ пользовался тѣмъ, что только предлагали ему приглашавшіе его гостепріимные хозяева и не терпѣлъ нужды въ необходимомъ. Многіе православные за счастье считали принять и угостить преосвященнаго, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ селахъ обширной пензенской епархіи въ первый разъ видѣли архіерея. Притомъ преосвященный Амвросій не требовалъ для себя многого: кусокъ хлѣба, ковшъ воды, кашка капусты—вотъ и все мѣню его обѣда, а иногда случалось, что онъ по цѣлымъ днямъ не спрашивалъ для себя ничего.

Между тѣмъ въ Пензѣ потеряли голову и никакъ не могли придумать—куда скрылся оригиналь-архіерей. Въ первые дни по его отъѣздѣ, въ архіерейской столовой, въ обыкновенный часъ, накрывался столъ и подавались для высокаго хозяина скромныя блюда, которыя конечно потомъ и уносились нетронутыми. И только уже жертвы архіерейской ревизіи—провинившіеся священники, явившись, по повелѣнію Амвросія, въ Пензу, для исправленія, сообщили наконецъ пензенскимъ горожанамъ о томъ, гдѣ находится ихъ архіерей и чѣмъ онъ занятъ теперь. Въ Пензу давно уже собрался весь второй пѣхотный корпусъ, для осмотра котораго императоръ и предпринялъ путь свой въ Пензу; сюда пріѣхали нѣкоторые придворные, чины. Въ Пензу, по случаю ожиданія пріѣзда государя, съѣхалось множество дворянъ пензенской и сосѣднихъ губерній. Весь городъ принарядился. Кафедральный соборъ очистился отъ лѣсовъ и стоялъ совершенно обновленный и чистый. Губернскому городу недоставало одного—архіерея, которому по всѣмъ правамъ должна принадлежать первенствующая роль при встрѣчѣ государя. А Амвросій все еще не явился въ Пензу и никто не могъ положительно связать, когда онъ возвратится.

Одинъ изъ генераловъ собравшагося въ Пензу втораго пѣхотнаго корпуса, именно начальникъ гусарской дивизіи, генералъ-майоръ Леонтьевъ, женатый на дочери графа Зубова, внука знаменитаго генералиссимуса, князя Суворова, человекъ очень любимый и уважаемый всѣми военными, неожиданно заболѣлъ и скончался скоропостижно. Его анатомировали и приготовили для него торжественныя похороны. Отпѣваніе для большей пышности предполагалось сдѣлать въ кафедральномъ соборѣ. Вдругъ возвращается въ Пензу Амвросій. Тогда, конечно, потребовалось испросить благословеніе архіерея на право отпѣть тѣло генерала въ соборной церкви. Лица, заправлявшія похоронами Леонтьева, дѣйствительно явились къ преосвященному Амвросію и просили какъ его благословенія на отпѣваніе въ соборѣ, такъ и о томъ, чтобы онъ почтилъ самое отпѣваніе своимъ въ немъ участіемъ. Преосвященный на просьбу явившихся къ нему военныхъ чиновъ отпѣчалъ, что не только онъ самъ, но и ни одинъ изъ его священниковъ не будетъ ни подъ какимъ видомъ отпѣвать тѣла ихъ умершаго генерала. „Въ соборахъ, говорилъ между прочимъ не-

уломанный архіерей, церковными правилами воспрещено отпѣвать покойниковъ, кромѣ однихъ архіереевъ, а Леонтьева я и совсѣмъ не буду отпѣвать“. „Кого желаете вы погребать, какъ христіанина? продолжалъ онъ далѣе на просьбу военныхъ чиновъ. Вы изъ него вынули сердце, внутренности и св. причастіе, которое принялъ онъ передъ смертью, и набили его сѣномъ. Это теперь не тѣло христіанина, а чучело; мнѣ сердце только и нужно“.

Главномандующій Савенъ нѣсколько разъ присылалъ къ преосвященному своихъ адъютантовъ, съ тѣмъ чтобы упросить архіерея уступить, но послѣдній остался непреклоненъ. Задѣтый за живое отказомъ архіерея, Савенъ обратился къ иному способу дѣйствій. Онъ нѣсколько разъ посылалъ къ Амвросію своихъ адъютантовъ уже не съ просьбою, а съ требованіемъ, чтобы тѣло заслуженнаго и извѣстнаго самому государю генерала Леонтьева было отпѣто приличнымъ образомъ, ссылаясь на свои права главнокомандующаго, угрожалъ доложить императору. Но архіерей остался непоколебимъ и на угрозы главнокомандующаго отвѣчалъ полнымъ ихъ пренебреженіемъ. „Скажите вашему начальнику, такъ однажды выразился Амвросій на слова угрозы, переданныя ему однимъ изъ адъютантовъ Савена, что онъ (Савенъ)—главнокомандующій надъ войсками, а я главнокомандующій въ моихъ церквяхъ“. Главнокомандующему ничего не оставалось болѣе, какъ только помириться съ необходимостью. Похороны Леонтьева прошли очень скромно и незамѣтно. Тѣло его было отпѣто за городомъ, въ лагерѣ, въ походной церкви и при участіи только полковыхъ священниковъ. Всѣ высшіе военные чины крайне были огорчены и раздражены поступкомъ архіерея—и это тѣмъ болѣе, что Леонтьевъ пользовался всеобщою любовью и уваженіемъ. Особенное негодованіе къ архіерею обнаруживали бывшіе подчиненные Леонтьева, гусары. Одинъ изъ смѣлыхъ гусаръ на выходеу архіерея рѣшился отвѣтить публично дерзостью, но оборвался. Онъ однажды явился въ кафедральный соборъ, простоялъ обѣдню и, подходя, по окончаніи ея, среди массы народа, къ благословенію и къ руцѣ архіерея, громко произнесъ при этомъ: „благослови, пастухъ!“ „Богъ да благословитъ тебя, послѣднюю скотину изъ моего стада“, прехладнокровно и медленно-важно отвѣчалъ Амвросій, благосло-

вляя гусара ¹⁾). Всѣ высшіе военные чины сильно не возлюбили пензенскаго архіерея, собирали объ немъ невыгодныя свѣдѣнія съ тѣмъ, чтобы потомъ при случаѣ доложить о нихъ государю. Въ представленіи наѣхавшихъ въ Пензу военныхъ чиновъ преосвященный Амвросій выросъ человѣкомъ грубымъ, деревнямъ, жестокимъ и едва не тираномъ. Такимъ образомъ, въ пріѣзду государя въ Пензу и мѣстная, и наѣзжая знать вооружилась противъ непреклоннаго архіерея.

Наступило 29-е августа—день пріѣзда государя въ Пензу. Съ самаго ранняго утра народъ массами толпился на улицахъ и особенно на соборной площади. Рано каедральный соборъ началъ наполняться народомъ. Въ пятомъ часу дня въ соборѣ находится уже архіерей со всѣмъ духовенствомъ, губернаторъ, главнокомандующій и всѣ высшіе военные и гражданскіе чины. Соборъ едва могъ вмѣстить всѣхъ жаждавшихъ видѣть государя. Собравшаяся въ каедральной церкви масса народа, не занятая при томъ никакимъ церковнымъ богослуженіемъ, стоявшая—въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ въ тѣснотѣ, среди всеобщей давки, не могла оставаться безмолвною. Въ толгѣ, наполнявшей церковь, слышался разговоръ, а по временамъ даже шумъ. Архіерей справедливо возмущался поведеніемъ народа. Въ полномъ облаченіи и со св. крестомъ въ рукахъ вышелъ онъ изъ алтаря, грозно посмотрѣлъ на толпу и громко сказалъ, обращаясь къ ней: „какъ можете вы, ожидая царя земнаго, забыть о Царѣ Небесномъ и нарушать уваженіе къ Его храму?“ Слова архіерея произвели магическое дѣйствіе. Въ соборѣ водворилась мертвая тишина ²⁾).

Предъ самымъ пріѣздомъ государя въ соборъ произошло столкновеніе между архіереемъ съ одной стороны и гражданами и

¹⁾ Относительно этого поступка Амвросія нужно сказать, что онъ отличается слишкомъ анекдотическимъ характеромъ и приписывается многимъ архіереямъ. Этотъ анекдотъ приписывается и преемнику Амвросія, епископу Иринею Нестеровичу („Русская Старина“ 1879 г., февраль, стр. 368), но онъ былъ извѣстенъ еще далеко ранѣе Амвросія и Иринея и ходилъ въ молвъ народной въ разныхъ редакціяхъ, причѣмъ дѣйствующими лицами въ немъ иногда называли одного гусарскаго офицера и приходскаго священника.— „Русская Старина“ 1879 г., августъ, стр. 730.

²⁾ Разсказъ одной свидѣтельницы событія, напечатанный въ запискахъ невѣстной, подъ заглавіемъ: „Жизнь прожить—не поле перейти“. „Русскій Вѣстникъ“, сентябрь 1881 года, стр. 125. В. Ж.

военными чинами съ другой. Между ними произошло разногласіе относительно крыльца, съ котораго должно было встрѣчать государя. Губернаторъ и главнокомандующій распорядились встрѣтить государя съ главнаго, западнаго, крыльца собора. Тамъ уже ктому сгруппировались всѣ военные и гражданскіе чины. Только не доставало здѣсь присутствія духовенства. Вдругъ, лишь только дано было знать о приближеніи императора къ Пензѣ, архіерей въ полномъ и блестящемъ облаченіи, въ сопровожденіи многочисленнаго духовенства, въ предшествіи св. креста, иконъ и хоругвей—вышелъ изъ алтаря и направился къ боковымъ южнымъ дверямъ собора. Амвросій имѣлъ всѣ резоны въ тому, чтобы поступить такимъ образомъ. Дѣло въ томъ, что южныя двери собора были почти прямо обращены къ той улицѣ, по которой долженствовало проѣзжать государю. Потомъ, при передѣлкѣ собора, подъѣздъ у южныхъ дверей устроенъ былъ гораздо параднѣе западнаго главнаго подъѣзда. Амвросій, вездѣ и всегда любившій блескъ и парадность въ церквахъ, отъ того и предпочелъ южныя двери собора западнымъ. Поступокъ архіерея изумилъ всѣхъ. И губернаторъ, и главнокомандующій неоднократно посылали своихъ чиновниковъ и адъютантовъ къ архіерею, прося его перейти къ западному крыльцу, какъ болѣе приличному, по ихъ мнѣнію, мѣсту встрѣчи государя, и указывая на то, что тамъ все приготовлено къ встрѣчѣ его величества. На просьбы свѣтскихъ чиновниковъ Амвросій отвѣтилъ коротко и рѣзко: „я архіерей, и мнѣ принадлежать здѣсь распоряженія“. Къ архіерею снова являютя уже съ настойчивою просьбою перейти къ западному подъѣзду, передаются угрозы и увѣренія въ томъ, что архіерей можетъ остаться въ сторонѣ отъ встрѣчи, что государь непременно подъѣдетъ туда, гдѣ ожидаетъ его главнокомандующій. Но никакія убѣжденія не могли сломить упрямаго архіерея. На всѣ настойчивыя увѣренія въ томъ, что государь подъѣдетъ къ западному крыльцу и обойдетъ архіерея, послѣдній совершенно основательно отвѣчалъ словами: „государь поѣдетъ туда, гдѣ развѣваются хоругви церкви; главнокомандующій можетъ перейти сюда, а хоругви и св. иконы и образа никогда не пойдутъ къ нему“. Свѣтскія власти не хотѣли уступить. Такъ приготовившіеся ко встрѣчѣ раздѣлились на двѣ группы. Конечно, государь подѣ-

ѣхалъ къ южному крыльцу собора, гдѣ ожидалъ его архіерей и гдѣ развѣвались церковныя хоругви.

Императоръ подъѣхалъ къ собору. Еще не поднимаясь по ступенямъ крыльца, онъ, какъ ходили слухи, замѣтилъ архіерею, что онъ страдаетъ ногами и что для его больныхъ ногъ лѣстница оказывается очень высокою и крутою. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что императоръ уже догадался, что ему приготовлялся другой, болѣе покойный, входъ въ соборъ. „А танцовать не болятъ ноги“, спокойно и съ полнымъ сознаниемъ своего права отвѣчалъ Амвросій на замѣчаніе государя, и, какъ ни въ чемъ не бывало, повелъ его по ступенямъ крыльца. Императоръ поднялся на верхнюю площадку крыльца, принялъ благословеніе епископа, помолился предъ однимъ изъ ближайшихъ образовъ, которые держали въ рукахъ окружавшіе епископа священники, и сдѣлалъ-было движеніе къ тому, чтобы приложиться къ св. изображенію. Но, къ удивленію всѣхъ, архіерей остановилъ его и молча рукою показавъ ему, что должно сдѣлать земной поклоны. Государь поклонился до земли и направился было прикладываться къ образу. Архіерей опять остановилъ его. „Три раза“, сказалъ онъ государю и государь сдѣлалъ три земные поклона прежде, чѣмъ приложиться къ иконѣ. Архіерея окружало нѣсколько священниковъ, изъ которыхъ каждый держалъ по какой-нибудь иконѣ. И государь предъ каждой изъ нихъ клалъ по три земныхъ поклона. Когда государь окончилъ поклоненіе иконамъ, преосвященный Амвросій обратился къ нему съ краткою, но сильною привѣтственною рѣчью, которую закончилъ словами: „Осанна въ Вышнихъ! Благословенъ грядый во имя Господне!“ Громко и безпрестанно произнося эти же самыя слова, Амвросій, предшествуя со св. крестомъ въ рукахъ императору, ввелъ его въ соборъ. Подводя государя къ царскимъ дверямъ и мѣстнымъ иконамъ, строгій архіерей опять заставилъ его предъ каждою иконою класть по три земныхъ поклона. Государь былъ послушенъ, какъ дитя, пензенскому владыкѣ. Послѣ благодарственнаго молебна Амвросій опять сказалъ нѣсколько назидательныхъ словъ государю и предшествовалъ ему при выходѣ его изъ собора. При чемъ опять громко раздавались по всей церкви слова архіерея: „Осанна въ Вышнихъ! Благословенъ грядый во имя Господне!“

Въ Пензѣ императоръ остановился въ губернаторскомъ домѣ.

Едва только онъ успѣлъ расположиться въ отведенной ему квартирѣ на отдыхъ, какъ на соборной колокольнѣ раздался оглушительный звонъ во всѣ колокола. То дѣлалось по приказанію епископа Амвросія, который при звонѣ соборныхъ колоколовъ, въ полномъ архіерейскомъ облаченіи, вышелъ въ сопровожденіи многочисленнаго духовенства изъ соборной церкви и съ великолѣпною церковною церемонією, съ хоругвами и иконами направился прямо къ императорской квартирѣ. Государь изъ окна увидѣлъ шествовавшую по площади церемонію и приказалъ узнать о значеніи ея. Амвросій объявилъ посланному, что онъ съ духовенствомъ желаетъ представиться императору съ такою именно церемонією. Государь чрезъ одного изъ своихъ адъютантовъ просилъ преосвященнаго не беспокоиться и дать ему самому отдыхъ, въ которомъ онъ такъ нуждался. Архіерей, выслушавъ объявленіе адъютанта, молчалъ и шелъ далѣе. Докладываютъ государю, что архіерей не повинуется и уже приближается къ подъезду императорской квартиры. Государь послалъ начальника главнаго своего штаба, барона Дибича—остановить архіерея. „Какъ генералъ-адъютантъ, сказалъ Дибичъ Амвросію, объявляю вамъ высочайшее повелѣніе воротиться“. „Ты адъютантъ царя земнаго, хладнокровно отвѣчалъ Амвросій на грозное приказаніе Дибича, а я адъютантъ царя небеснаго“¹⁾. „Я васъ остановлю“, горячился вспыльчивый Дибичъ. „Нѣтъ силы на землѣ, которая бы остановила крестъ Господень“, возразилъ ему Амвросій, показывая на крестъ, который онъ держалъ въ рукахъ своихъ, и вступилъ въ императорскую квартиру. Государь наскоро одѣлся и, по крайней мѣрѣ, съ видимою благосклонностью встрѣтилъ преосвященнаго. Амвросій окропилъ св. водою государя и всю его квартиру, поднесъ ему образъ и просфору и долго говорилъ ему благочестивое наставленіе въ строго-аскетическомъ духѣ. Императоръ внимательно слушалъ строгую рѣчь архіерея, цѣловалъ его руки, и, прощаясь съ нимъ, проводилъ его до дверей своей квартиры²⁾.

¹⁾ Настоящій отвѣтъ епископа Амвросія Дибичу приписывается невѣрно, хотя и хронологически (Ириней былъ епископомъ Пензенскимъ не въ царствованіе Александра I, а уже при Николаѣ I—съ 1828 по 1830 г.) невѣрно, епископу Пензенскому Иринею Нестеровичу.—„Русская Старина“, 1879 г., январь, стр. 163 и февраль, стр. 368. В. Ж.

²⁾ Въ воспоминавіяхъ лейбъ-хирурга Тарасова разсказывается, что настоящій поступокъ Амвросія имѣлъ мѣсто не 29-го, а 30 го августа, и что

Слѣдующій день, 30-е августа, былъ днемъ тезоименитства государя. Вечеромъ наканунѣ, т. е. 29-го числа, преосвященный Амвросій самъ служилъ въ кафедральномъ соборѣ всенощное бдѣніе и служилъ съ обычнымъ блескомъ и съ обычною же продолжительностью. Еще при самомъ началѣ вечерняго богослуженія въ архіерею явился посланный отъ государя съ приказаніемъ, чтобъ на слѣдующій день (30-го августа) обѣдня въ соборѣ начата была въ шесть часовъ утра и продолжалась какъ можно короче въ виду того, что государю на слѣдующій день рано предстояло отправиться за городъ, для смотра войскъ. Амвросій отвѣчалъ посланному: „доложи государю, что я завтра буду служить обѣдню ни раньше ни позже, ни длиннѣе ни короче того, какъ установила церковь“.

При обычной продолжительности священнослуженія Амвросія, второй перезвонъ всенощнаго бдѣнія былъ въ исходѣ десятаго часа ночи, когда государь уже почивалъ. Громкій звонъ соборныхъ колоколовъ разбудилъ императора, который, узнавъ, что будетъ еще третій звонъ, приказалъ объявить, чтобы служили безъ звона. Тотъ же посланный снова явился къ архіерею и передалъ ему новое приказаніе государя. „Здѣсь, сказалъ неустрашимый архіерей посланному государя, воля Царя Небеснаго, а не цара земнаго“. И что же? Въ исходѣ одиннадцатаго часа, по приказанію архіерея, въ третій разъ отзвонили въ большіе соборные колокола—почти подъ окнами императорской квартиры.

Государь, въ виду непреклонности архіерея, 30-го августа слушалъ литургію, въ шесть часовъ утра, въ церкви св. Петра и Павла, находившейся на нижней площади города. Непосредственно

преосвященный Амвросій не получилъ доступа къ государю, а по приказанію барона Дибича былъ вынужденъ воротиться вѣстѣ со всею процессіею назадъ въ соборъ. Въ воспоминаніяхъ Тарасова разсказъ объ этомъ поступкѣ Амвросія обставленъ не вполне вѣрными подробностями. „Русская Старина“, 1872 г., мартъ, стр. 356—357. Знаюкъ пензенской старины, Г. И. Мѣшковъ, сообщаетъ, что извѣстный поступокъ Амвросія относится къ 31-му августа. Овъ же, какъ очевидецъ и свидѣтель самаго событія, разсказываетъ, что преосвященный Амвросій съ своей торжественной процессіею не былъ принятъ государемъ и по настоянію Дибича возвратился съ нею въ соборъ. „Русская Старина“, 1872 г., августъ, стр. 729—730. Въ запискахъ современника о епископѣ Амвросіи, которыми я пользуюсь, порядокъ событій изложенъ, по моему мнѣнію, послѣдовательнѣе и, какъ вѣжется, ближе къ истинѣ.

В. Ж.

послѣ литургіи онъ отправился на смотръ войскъ, который продолжался приблизительно часовъ до двухъ по полудни. Между тѣмъ архіерей, начавшій обѣдню въ обыкновенное время, окончилъ ее только къ двумъ часамъ. Обѣдня только что кончилась въ соборѣ, какъ государь на возвратномъ пути съ маневровъ появился на главной площади. Архіерей въ полномъ облаченіи, со св. крестомъ, иконами и хоругвями и съ многочисленнымъ духовенствомъ, вышелъ къ нему на встрѣчу. Государю хотя и не понравилась устроенная архіереемъ церемонія, но для сохраненія приличій онъ вышелъ изъ коляски, принялъ благословеніе и поздравленіе Амвросія, который при этомъ окропилъ его св. водою. Императоръ прибылъ въ свою квартиру. Вскорѣ явился туда уже одянь преосвященный Амвросій. Между императоромъ и епископомъ завязалась продолжительная бесѣда. Нѣкоторые отдѣльные пункты этой бесѣды, конечно, были очень интересны и любопытны. Аскетъ - епископъ предостерегалъ государя отъ соблазновъ міра, совѣтовалъ ему отказаться отъ бала, предложеннаго государю дворянствомъ, называлъ балъ бѣсовскимъ утѣшеніемъ, говорилъ, что музыка на балѣ прознаменуетъ насмѣшки іудеевъ, а танцы — терновый вѣнокъ на головѣ Иисуса. Разговоръ касался и практическихъ сторонъ. Государь, напримѣръ, обратилъ вниманіе на его епархію, упомянулъ о жалобахъ на него духовенства и при этомъ указалъ на кипу просьбъ, поданныхъ духовными лицами въ проѣздъ его чрезъ Пензенскую губернію. „Государь, сказалъ на это епископъ, на тебя еще болѣе подали бы жалобъ, если бы было кому жаловаться. Посмотри, продолжалъ онъ, воснувшись своей папачи и указывая на находившееся на ней изображеніе распятаго Спасителя, — Онъ-ли не былъ святъ, а Его обвинили и распяли!“ Изъ продолжительнаго разговора съ епископомъ Амвросіемъ государь вынесъ то совершенно вѣрное убѣжденіе, что онъ могъ быть суровымъ въ управленіи, но никогда несправедливымъ.

Государь пробылъ въ Пензѣ четыре дня. Архіерей надѣлалъ императору своими постоянными торжественными встрѣчами, какія устраивалъ онъ почти при каждомъ проѣздѣ государя мимо собора. Императоръ началъ избѣгать архіерея и, чтобы не встрѣтиться съ нимъ, дѣлалъ большіе объѣзды по городу. Между тѣмъ Амвросій не обращалъ на это никакого вниманія и попрежнему продолжалъ являться къ государю съ благословеніями и просфо-

рами. Государь хотя по временамъ и принималъ его, но старался какъ можно скорѣе распоститься съ нимъ. 1-го сентября, въ квартирѣ государя, въ губернаторскомъ домѣ, былъ парадный обѣдъ, къ которому, кромѣ свиты и генералитета, получили приглашеніе губернаторъ, губернской предводитель и друг. лица; но преосвященный Амвросій приглашенъ не былъ ¹⁾. Для всѣхъ было очевиднымъ, что государь только снисходилъ архіерею. Городскіе слухи предрекали Амвросію неблаговоленіе императора и даже нивложеніе съ кафедръ. Одинъ изъ помѣщиковъ - благожелателей епископа удерживалъ его отъ поступковъ, могущихъ вооружить противъ него государя и между прочимъ указывалъ ему на возможность ссылки его въ монастырь. „А въ монастырѣ есть Богъ?“ спокойно спросилъ архіерей своего собесѣдника. — „Въ Соловецкій монастырь“ — дополнилъ тотъ вмѣсто прямого отвѣта на вопросъ. „А въ Соловецкомъ монастырѣ есть Богъ?“ опять переспросилъ архіерей. „Богъ-то вездѣ есть, отвѣчалъ помѣщикъ, да вамъ будетъ худо“. „Нѣтъ, сказалъ на это Амвросій, тамъ все мое счастье, гдѣ Богъ. Мнѣ нуженъ Онъ одинъ, а отъ Него меня никто не удалитъ“.

При своемъ отъѣздѣ изъ Пензы государь пожаловалъ награды и ордена многимъ высшимъ военнымъ и гражданскимъ чиновникамъ въ городѣ. Пензенскій губернаторъ получилъ большой орденъ св. Владиміра второй степени. Только архіерей остался безъ всякой награды. Впрочемъ онъ никогда и не искалъ я не желалъ никакихъ почестей, когда онъ самъ шолъ и дѣйствовалъ совершенно наперекоръ всякой мірской славѣ и земнымъ отличіямъ.

Преосвященный Амвросій въ короткое время сильно привязался къ императору Александру, который произвелъ на него глубокое впечатлѣніе. Разошедшись со всѣмъ обществомъ въ Пензѣ и не желая болѣе служить ему, Амвросій хотѣлъ покончить всѣ съ нимъ связи, но покончить такъ, чтобы самому ему ни въ чемъ не измѣнить своему характеру. Своими оригинальными и во всякомъ случаѣ неприятными и даже оскорбительными для государя выходками Амвросій, можетъ быть намѣренно, вооружалъ его противъ себя и сознательно, съ полнымъ убѣжде-

¹⁾ „Русская Старина“, изд. 1879 г., августъ, стр. 130. Сообщеніе Г. И. Мѣшкова.

нѣмъ въ возможности дурныхъ послѣдствій, вызывалъ противъ себя бурю, среди которой онъ хотѣлъ погибнуть. Онъ рассчитывалъ найти для себя выходъ изъ своего затруднительнаго положенія въ возбужденіи къ себѣ немилости государя. Но планы его рушились предъ безвѣчною снисходительностью и великодушіемъ императора. Вотъ почему Амвросій такъ привязался къ императору Александру I, что въ теченіе всей послѣдующей своей жизни всегда съ благоговѣніемъ и даже со слезами вспоминалъ о немъ. Онъ, угрюмый, молчаливый отъ природы, съ большимъ увлеченіемъ любилъ рассказывать объ Александрѣ I и вести бесѣды о высокихъ нравственныхъ качествахъ его души.

По отъѣздѣ государя изъ Пензы, преосвященный Амвросій собралъ въ архіерейскомъ домѣ все городское духовенство и обратился къ нему съ продолжительною рѣчью, въ которой онъ много распространялся о благодати и великодушіи императора. Холодный и суровый аскетъ, Амвросій плакалъ, вспоминая о своихъ бесѣдахъ съ нимъ. „Видѣли-ли вы, спрашивалъ онъ членовъ городского духовенства, какъ я доучалъ, досаждалъ государю; и съ какимъ терпѣніемъ, и съ какою кротостью переносилъ онъ мои доуки? Это истинно-христіанскій государь, — это ангельскій государь“. Среди своей продолжительной бесѣды съ духовенствомъ, архіерей не могъ обійтись безъ того, чтобы не воснуться злѣйшаго врага церкви — губернатора. „А видѣли вы, спрашивалъ Амвросій, обращаясь къ своему духовенству, бѣса въ алой лентѣ, который вертѣлся въ царскихъ покоехъ?“ Здѣсь онъ намекалъ на пожалованную государемъ пензенскому губернатору Владимірскую звѣзду и ленту.

Вскорѣ послѣ отъѣзда государя, Амвросій навсегда рѣшился оставить Пензу. Какъ въ лѣтнее свое путешествіе, такъ и на этотъ разъ онъ сѣлъ въ карету, махнулъ рукой келейнику и кучеру и отправился опять въ безконечный путь по епархіи. Положеніе путешественниковъ на этотъ разъ было тяжелѣе прежняго. Съ половины сентября наступили дожди, холода и утренніе заморозки. Преосвященный и его прислуга, не имѣя теплаго платья, иногда вынуждены были дрожать отъ холода. „У насъ ничего не было съ собою, такъ рассказывалъ послѣ самъ Амвросій о своемъ путешествіи, но Богъ все намъ посылалъ: одинъ помѣщикъ сдѣлалъ мнѣ шубу, другой — теплые сапоги, третій —

шанку; тотъ одѣлъ кучера, этотъ келейника моего; снарядили и зимнюю повозку; всѣмъ намъ было и тепло, и сытно“. Послѣ, находясь въ Кирилло-бѣлозерскомъ монастырѣ, преосвященный рассказывалъ, что онъ оба внезапныя путешествія предпринималъ по волѣ и по побужденію Духа Божія; а во второй разъ, въ самое ненастное время, онъ отправился и потому, что въ это время никто не могъ ожидать пріѣзда архіерея.

Еще во время лѣтняго своего путешествія Амвросій обратилъ особенное вниманіе на одно мѣсто, въ Чембарскомъ уѣздѣ, которое чрезвычайно понравилось ему своимъ дикимъ и гористымъ положеніемъ. Во время своего втораго длиннаго путешествія, онъ остановился на этомъ мѣстѣ и прожилъ здѣсь не мало времени, до самой глубокой осени. Въ одной изъ горъ, находящихся въ этой мѣстности, онъ началъ копать для себя пещеру, самъ своими руками рылъ землю, выносилъ ее и продолжалъ эту работу до самой зимы, которая остановила отшельническіе труды архіерея. По зимнему пути Амвросій отправился въ Саратовскую губернію и тамъ посѣтилъ миссіи, трудившіяся надъ обращеніемъ въ христіанство калмыковъ. Потомъ онъ пріѣхалъ въ Саратовъ и жилъ здѣсь болѣе полугода, ни подъ какимъ видомъ не желая возвратиться въ Пензу. Онъ искалъ и жаждалъ совершеннаго уединенія и потому, наконецъ, рѣшился вовсе отказаться отъ управленія епархіей. Амвросій нѣсколько разъ просилъ у синода увольненія на покой. Первенствующій членъ синода, митрополитъ Серафимъ, докладывалъ о просьбѣ епископа Амвросія государю и государь не хотѣлъ увольнять его на покой. вмѣсто того онъ поручилъ митрополиту Серафиму написать Амвросію и увѣрить его въ полномъ и совершенномъ благоволеніи къ нему государя и выразить его желаніе, чтобы онъ оставался на занимаемой имъ каѳедрѣ. Но Амвросій на письмо митрополита отвѣчалъ новымъ прошеніемъ объ увольненіи на покой, которое онъ, наконецъ, и получилъ 4-го сентября 1825 года ¹⁾.

¹⁾ Въ запискахъ лейбъ-хирурга Тарасова не вѣрно передано, что государь далъ повелѣніе синоду объ увольненіи Амвросія на покой непосредственно послѣ своей поѣздки въ Пензу. „Русская Старина“ изд. 1872 г., мартъ, стр. 357. По точнымъ хронологическимъ даннымъ (Строевъ, „Списки іерарховъ русской церкви, стр. 981“, оказывается, что Амвросій оставался пензенскимъ епископомъ болѣе года и послѣ извѣстнаго посѣщенія государемъ Александромъ I Пензы.

Мѣстомъ своего послѣдняго пребыванія преосвященный Амвросій избралъ тотъ самый Кирилло-бѣлозерскій монастырь, близъ котораго онъ родился и въ которомъ онъ получилъ первоначальное образованіе. Можно удивляться степени привязанности, какая жила въ немъ къ родинѣ и къ родному монастырю. Многихъ удивляло избраніе Амвросіемъ Кириллова монастыря своимъ постояннымъ пребываніемъ, особенно потому, что архимандритъ этого монастыря о. Гедеонъ, состоявшій экономомъ Новгородскаго митрополичьяго дома въ то самое время, когда Амвросій былъ варіемъ въ Новгородѣ, находился въ самыхъ непріязненныхъ къ нему отношеніяхъ. „Я желаю тамъ окончить свою жизнь, гдѣ началъ ее и свое воспитаніе“, такъ выразился однажды Амвросій по поводу избранія имъ Кириллова монастыря мѣстомъ своего уединенія.

Свое увольненіе на покой епископъ Амвросій получилъ въ Саратовѣ, отсюда же онъ предпринялъ свой продолжительный путь въ Кирилловъ монастырь¹⁾. Сборы его не отличались продолжи-

¹⁾ Изъ официальныхъ источниковъ извѣстно, что преосвященный Амвросій 11 января 1825 г. обратился въ св. синодъ съ прошеніемъ объ увольненіи его на покой и свою просьбу онъ мотивировалъ желаніемъ приготовить во второму и болѣе полному изданію свой ученый трудъ: „Исторію российской іерархіи“. Это былъ только предлогъ, а не дѣйствительное побужденіе, заставившее его проситься на покой. Другіе, хотя и не настолько авторитетные, источники говорятъ, что преосв. Амвросій одною изъ причинъ своей просьбы объ увольненіи на покой выставлялъ предъ синодомъ свою болѣзнь. Такое разглашеніе какъ будто подтверждаетъ сообщеніе нашего современника, который говоритъ о нѣсколькихъ прошеніяхъ, подававшихся Амвросіемъ въ синодъ съ просьбою объ увольненіи отъ управленія епархіей. За то рассказъ его о болѣе, чѣмъ полугодичномъ пребываніи Амвросія въ Саратовѣ и особенно объ отправленіи его прямо изъ Саратова, а не изъ Пензы, въ Кирилловъ монастырь не можетъ быть признанъ правдоподобнымъ. Онъ положительно противорѣчитъ не только существующимъ относительно порядка увольненія архіереевъ отъ управленія епархіями узаконеніямъ, но даже самымъ официальнымъ даннымъ, касающимся непосредственно самаго преосв. Амвросія. Отправиться прямо изъ Саратова въ Кирилловъ преосвященный Амвросій не могъ уже потому одному, что онъ предварительно долженъ былъ лично сдать всѣ епархіальныя дѣла своей, пензенской, консисторіи. И дѣйствительно, официально извѣстно, что преосв. Амвросій отъ 3-го ноября 1825 г. изъ Пензы доносилъ синоду, что всѣ епархіальныя дѣла имъ сданы консисторіи, а отъ 19-го декабря онъ увѣдомлялъ синодъ, что имъ сданы консисторіи все имущество и денежныя суммы пензенскаго архіерейскаго дома. „Странникъ“, 1869 г., ноябрь, стр. 32—34. В. Ж.

тельностью: всегда безкорыстный, онъ при своемъ отъѣздѣ изъ Саратова роздалъ и то, что прежде долженъ былъ сохранять во имя архіерейскаго сана; всѣ свои рясы, подрясники и даже большую часть своихъ книгъ. Взявъ самаго простаго ямщика, крестьянина, съ простыми деревенскими санями вмѣсто экипажа, съ небольшимъ сундукомъ нужнѣйшихъ книгъ и самыхъ необходимыхъ бумагъ, въ одной бѣдной монашеской одеждѣ, прикрытой нагольнымъ тулупомъ и простою шапкою съ ушами, преосвященный Амвросій оставилъ Саратовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ навсегда простился съ своей епархіей. Уже будучи совершенно готовый къ отъѣзду, онъ, смотря на свой убогій багажъ, сказалъ окружающимъ его лицамъ: „теперь моего здѣсь ничего нѣтъ“¹⁾. Этимъ онъ показывалъ, что вся дѣятельность его, какъ епископа пензенскаго, не имѣла для него ничего притягательнаго и не отвѣчала его дѣйствительному настроенію, что самое служеніе въ званіи епископа, совершенно не гармонировавшее съ его характеромъ, было съ его стороны не болѣе какъ жертва, принесенная имъ во имя монашескаго обѣта послушанія. Такимъ образомъ онъ оставлялъ, собственно говоря, то, къ чему онъ никогда не считалъ себя призваннымъ и къ чему онъ никогда не могъ привязаться всею душою.

Во время своего продолжительнаго путешествія, Амвросій, при остановкахъ на отдыхъ, любилъ заходить въ ближайшія церкви для молитвы. Особенно любопытно было посѣщеніе преосвященнымъ Амвросіемъ каедральнаго собора въ Нижнемъ Новгородѣ. Подѣхавъ прямо съ дороги къ каедральному собору, Амвросій вошелъ въ церковь во внѣ-богослужебное время и, изъявляя желаніе отслужить молебенъ, потребовалъ у церковнаго причетника себѣ архіерейское облаченіе. Причетникъ, принявшій его за простаго странствующаго монаха, крайне потому изумился требованію неизвѣстнаго ему человѣка и сообщилъ соборнымъ священникамъ. По разъясненіи дѣла, Амвросій получилъ архіерейское облаченіе; явились и пѣвчіе: Начался молебенъ. По городу разнеслась молва и въ соборъ стали набираться любители всякой новизны. Преосвященный Амвросій служилъ мо-

¹⁾ „Словарь достопамятныхъ людей русской земли“, Бантышъ-Каменскаго, ч. 1, стр. 33. Москва, 1836.

лебенъ съ обычною торжественностью и продолжительностью и закончилъ его проповѣдью. Между тѣмъ о прибытіи его въ соборъ узналъ мѣстный нижегородскій епископъ, Моисей, и прислалъ одного изъ своихъ келейниковъ просить путешествующаго владыку къ себѣ на завтракъ. Келейникъ Моисея явился въ соборъ въ то самое время, когда Амвросій уже выходилъ оттуда, только что закончивши служеніе молебна. „Доложи преосвященному,—сказалъ Амвросій келейнику мѣстнаго епископа на выказанное имъ отъ имени послѣдняго приглашеніе на завтракъ,— что я далъ Богу обѣтъ служить молебень въ каждомъ городѣ, гдѣ можно, а на зауски ходить не давалъ обѣта“. По выходѣ изъ собора, онъ сѣлъ въ свой убогій экипажъ и продолжалъ свой путь.

Для помѣщенія архіерея въ Кирилловѣ монастырѣ отведена была обширная и очень приличная квартира въ нѣсколько комнатъ, въ число которыхъ входило и большое зало, когда-то бывшее аудиторіей закрытаго въ тому времени при монастырѣ духовнаго училища. Но Амвросій жаждалъ полнаго уединенія. Большая часть комнатъ отведенной для него квартиры оставались пустыми. Онъ избралъ для себя только одну самую заднюю комнату, доступъ въ которую былъ окончательно закрытъ для всѣхъ. Ни одно постороннее лицо не перешагнуло при Амвросіи порога завѣтной комнаты его уединенія. Назначенный къ нему въ услуженіе келейникъ могъ входить только въ переднія комнаты и то только не болѣе двухъ разъ въ день: одинъ разъ для топленія печей, если того требовало время года, и въ другой разъ—для того, чтобы принести кушанье. Столъ для преосвященнаго получался простой монастырскій. Рѣдкую роскошь въ его столѣ составляли: цвѣрный салатъ безъ масла и вмѣсто чаю ромашка; послѣднее впрочемъ случалось чрезвычайно рѣдко. Келейникъ преосвященнаго, доставляя каждодневно кушанья, нерѣдко замѣчалъ, что владыко и не касался къ кушаньямъ, принесеннымъ имъ въ теченіе прошедшаго дня; тогда онъ ставилъ новое кушанье, а старое уносилъ. Случалось, что онъ такимъ образомъ уносилъ нетронутыя блюда въ теченіе нѣсколькихъ дней подъ рядъ. Келейникъ преосвященнаго не отличался исправностью. Нерѣдко онъ, истопивъ печи съ угаромъ, спокойно заперталъ архіерейскія вѣли и уходилъ на долгое время. Запертый

со всѣхъ сторонъ, Амвросій впадалъ отъ сильнаго угара въ безпамятство и оставался въ болѣзненномъ состояніи до слѣдующаго дня. Его слуга, заперевъ кельи, иногда не являлся въ монастырь дня по два и по три, а иногда по цѣлымъ недѣлямъ и пьянствовалъ въ городѣ, въ то самое время, когда запертый имъ архіерей-отшельникъ оставался безъ пищи и въ холодныхъ нетопленныхъ комнатахъ. Замѣчательно, Амвросій никогда не высказывалъ никакихъ жалобъ на своего слугу и даже однимъ взглядомъ не выражалъ ему своего неудовольствія.

Преосвященный Амвросій до того уединился въ монастырѣ, что весьма рѣдко являлся въ церковь. Только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ онъ, когда видѣлъ, что монастырскій дворъ оставался пустымъ и всѣ монахи находились уже въ церкви, выходилъ изъ своихъ келій, приближался къ церкви, становился у какого-нибудь изъ церковныхъ оконъ, клалъ на подоконникъ локти, и стоя неподвижно въ такомъ положеніи, смотрѣлъ во внутренность храма и простоявъ нѣсколько минутъ, снова уходилъ и скрывался, какъ тѣнь въ своей кельѣ. Чаше преосвященный любилъ являться къ церкви ночью: здѣсь въ глубокою полночь, при свѣтѣ луны, нерѣдко издали видали его стоящимъ на паперти на колѣняхъ, съ воздѣтыми къ небу руками ¹⁾.

Одно лицо, имѣвшее доступъ къ преосвященному въ Кирилловѣ монастырѣ, предложило ему однажды вопросъ о томъ, почему онъ почти никогда не ходитъ въ церковь и даже не приобщается св. таинъ? „Вотъ мой алтарь“, строго сказалъ Амвросій на слова своего собесѣдника, сильно ударивъ при этомъ обѣими руками по стоявшему передъ нимъ столу. „Чтобы я былъ за архіерей, еслибы не могъ приобщать самаго себя“. Трудно уяснить себѣ смыслъ настоящихъ словъ Амвросія ²⁾. Одна изъ причинъ, по которой преосвященный Амвросій очень рѣдко являлся въ церковь, заключалась въ его болѣзненности, а потомъ и во враждеб-

¹⁾ Филаретъ Черниговскій. Обзоръ русск. дух. жит., ч. II, стр. 215.

²⁾ Вѣроятно все, преосв. Амвросій, высказывался такимъ образомъ, имѣлъ въ виду свой особый способъ причащенія св. таинъ. У него въ келии находилась ковчежецъ съ запасными св. дарами, которыми онъ тайнѣмъ снабждалъ себя св. причащенія въ своей келии. О существованіи у преосв. Амвросія ковчега съ запасными дарами узнали уже послѣ его смерти. „Стражникъ“, 1869, ноябрь, стр. 42.

ности къ нему монастырскаго начальства. Одинъ разъ къ нему явился архимандритъ монастыря и пригласилъ его побывать въ церкви. Преосвященный принялъ приглашеніе, явился къ одной величюпостной обѣднѣ и сталъ въ церкви у лѣваго клироса. Архимандритъ на время обѣдни приказалъ открыть форточку, находившуюся въ одномъ изъ оконъ правой стороны церкви. Сдѣлался сильный сквозной вѣтеръ, который дулъ прямо на архіерея. Нѣкоторые монахи доложили архимандриту, что преосвященный страдаетъ ревматизмомъ и что потому сквозной вѣтеръ чрезвычайно для него вреденъ. Архимандритъ, человѣкъ съ крутымъ нравомъ, не захотѣлъ перемѣнить своего приказанія и форточка оставалась открытою до окончанія богослуженія. Послѣ обѣдни архимандритъ, вмѣстѣ съ братіей, подходилъ подъ благословеніе архіерея и затѣмъ пошелъ провожать его до его квартиры. Дорогою архимандритъ нѣсколько разъ пытался заговорить съ Амвросіемъ, но тотъ важно шелъ домой, не отвѣчая ни однимъ словомъ на разсужденія сопровождавшаго его архимандрита. Продолжительное стояніе на сквознякъ преосвященному пришлось искупить цѣною большихъ физическихъ страданій, которыя едва не закончились для него смертию. Кромѣ того, конечно, ему и нравственно тяжело было видѣть такое крайнее нерасположеніе къ себѣ архимандрита, который, чтобы сдѣлать ему неприятность, не затруднился прибѣгнуть даже къ священнымъ предметамъ. Впрочемъ, самъ преосвященный относился слишкомъ явственно-холодно къ архимандриту ¹⁾.

¹⁾ Былъ такой случай Явился разъ архимандритъ къ преосвященному съ мѣстомъ. Архіерей принялъ его парадно: въ рясѣ, клобукъ и съ панагіею за груди. Архимандритъ подошелъ подъ благословеніе, архіерей сѣлъ въ кресло и далъ гостю знакъ рукою сѣсть на другое противоположное. Амвросій при приходѣ гостя не проговорилъ ему ни одного слова и долго продолжалось непрерываемое ни тѣмъ, ни другимъ молчаніе. Архимандритъ никакъ не могъ начать разговоръ, а хозяинъ и совсѣмъ не обнаруживалъ къ тому никакихъ попытокъ... Тогда гость для того только, чтобы прекратить томительное молчаніе, рѣшился наконецъ предложить случайно подвернувшійся ему вопросъ: „Ваше преосвященство, что не пожелаете къ намъ въ церковь?“ сказалъ онъ архіерею. „Зачѣмъ?“ очень сурово спросилъ архіерей архимандрита, который окончательно сконфузился отъ этого вопроса и не нашелся дать на него никакого другого отвѣта, какъ только сказалъ съ видимымъ замѣшательствомъ: „какъ зачѣмъ?“—посмотрѣть, послушать. Слова архимандрита вызвали ироническую улыбку на лицѣ архіерея, который послѣ нѣкоторой паузы, мед-

Никто изъ жившихъ въ монастырѣ не зналъ о занятіяхъ Амвросія внутри его кельи. Только уединеніе, чрезмѣрный постъ, а отсюда быстрое и совершенное истощеніе тѣла свидѣтельствовали о томъ, что онъ предавался все время уединеннымъ молитвеннымъ подвигамъ. Аскетическое уединеніе Амвросія простиралось до разрыва и пренебреженія родственными чувствами. Въ первое время его пребыванія въ Кирилловѣ монастырѣ, къ нему нѣсколько разъ приходили разные его родственники, которыхъ онъ не хотѣлъ принимать къ себѣ, а только привлекалъ объявлять имъ, что Амвросій мертвецъ, что у него нѣтъ на землѣ ни роду, ни племени. Приходила къ нему и старушка-мать. Суровый сынъ принялъ ее очень холодно. На ея желаніе погостить у него онъ предложилъ ей помѣститься въ залѣ и запретилъ переступать порогъ своей завѣтной комнаты глубокаго уединенія. Бѣдная старушка прожила здѣсь около мѣсяца, почти не видала за это время своего сына и съ глубокою скорбью въ сердцѣ уѣхала изъ монастыря. Точно такимъ же образомъ нѣкоторое время прожилъ у Амвросія и старикъ—его отецъ ¹⁾).

Въ первые годы пребыванія Амвросія въ Кирилловской обители монастырскія власти дѣлали попытки являться въ большіе праздники съ поздравленіемъ къ архіерею, но скоро совсѣмъ отказались отъ нихъ. Однажды, на первый день пасхи, архимандритъ монастыря съ крестомъ и св. водою и въ сопровожденіи старшей братіи пришелъ поздравить владыку со свѣтлымъ праздникомъ. Доложили Амвросію, но не получили отъ него никакого отвѣта. Вошли въ залъ, начали стучаться въ дверь его уединенной комнаты и все напрасно. Изъ-за двери не было слышно никакого звука. Начали пѣть воскресный канонъ и наконецъ пропѣли его и остановились всѣ въ недоумѣніи. Хозяинъ не показывался. Такъ, наконецъ, поздравители и ушли, не увидавъ архіерея.

ленно, съ большой разстановкой, съ ѣдкой ироніей въ голосѣ, повторилъ слова своего гостя: «исмотрѣть, послушать!» Затѣмъ между архіереемъ и архимандритомъ снова водворилось глубокое и продолжительное молчаніе. Озадаченный архимандритъ окончательно растерялся и не зналъ, что дѣлать. Наконецъ онъ всталъ, подошелъ подъ благословеніе архіерея, который молча, не проронивъ ни одного слова, проводилъ своего посѣтителя.

¹⁾ Отсюда нельзя заключать о безучастности преосв. Амвросія къ своимъ родителямъ. Напротивъ, онъ обезпечилъ ихъ, ввѣсти за нихъ большой денежный вкладъ въ Филиппованскую пустынь, Череповецкаго уѣзда, гдѣ они поселились вѣстѣ и посвятили себя на подвижническіе труды. В. Ж.

Доступъ къ преосвященному Амвросію въ Кирилловѣ монастырѣ соединялся съ большими трудностями. Приемы его до того были рѣдки, что ихъ легко можно было сосчитать, такъ какъ они являлись въ его жизни рѣдкимъ исключеніемъ. Такъ онъ разъ принималъ у себя, и то на самое короткое время, одного Бѣлозерскаго купца и давалъ ему совѣтъ достроить въ городѣ Бѣлозерскѣ церковь, начатую его отцемъ, за смертію немогшимъ довести постройку до конца. Преосвященный въ проѣздъ свой чрезъ Бѣлозерскъ замѣтилъ недостроенную, сдѣлавшуюся убѣжищемъ птицъ, церковь и съ своей стороны принялъ нравственныя мѣры для того, чтобы привести къ концу постройку св. храма.

Въ другой разъ преосвященный принималъ у себя одну пріѣхавшую изъ Пензы бѣдную женщину, которая существовала тамъ его пособіями и, по его приказанію, явилась вслѣдъ за нимъ въ Кирилловъ съ твердою надеждою на то, что онъ и здѣсь будетъ поддерживать ее своею благотворительностью. Впрочемъ преосвященный Амвросій и здѣсь долго не позволялъ бѣдной женщинѣ явиться къ нему, но наконецъ согласился принять ее. „Преосвященный, сказала пріѣтомъ несчастная женщина, что мнѣ дѣлать? Я пріѣхала сюда по вашему приказанію; мнѣ нечѣмъ жить; я въ большой крайности; хорошо вамъ: вы получаете пенсіона двѣ тысячи рублей, живете въ прекрасныхъ покояхъ, а каково мнѣ?“ — „Хорошо мнѣ жить?“ спросилъ ее, нѣсколько помолчавъ, Амвросій. „Не понимаешь ты, что говоришь“, продолжалъ онъ далѣе. „Повои мои—это гробъ, въ которомъ для меня нѣтъ дна, нѣтъ крыши!“ Говоря такъ, Амвросій разумѣлъ свою отшельническую жизнь, во имя которой онъ добровольно и живо похоронилъ себя для міра. На дальнѣйшіе вопросы пріѣзжей женщины о томъ, какъ и на какія средства ей существовать, Амвросій далъ ей странный совѣтъ уничтожить, сожечь и то немногое, напримѣръ, изъ платья, что она имѣла. Бѣдная женщина вышла отъ преосвященнаго убитая холодностью его приѣма, но она тѣмъ не менѣе не хотѣла возвратиться назадъ въ Пензу и умерла въ г. Кирилловѣ въ крайней нищетѣ и среди всевозможныхъ лишеній. Въ отношеніяхъ преосвященнаго Амвросія къ этой несчастной женщинѣ кроется что-то непонятное; очевидно, въ нихъ много недосказаннаго и потому они кажутся очень странными и даже жестокими со стороны Амвросія, если взять во вниманіе то, что онъ самъ далъ ей приказаніе ѣхать за собою

въ Кирилловъ, и это, какъ оказалось впоследствии, только для того, чтобы бросить ее здѣсь на произволъ нищеты.

Предавнійся полному уединенію, Амвросій былъ доступенъ только для одного семейства — семейства подполковника Дубовицкаго ¹⁾, сосланнаго въ Кирилловъ монастырь по высочайшему повелѣнію за распространеніе какаго-то ложнаго ученія. При Дубовицкомъ, съ соизволенія государя, находились малолѣтнія его дѣти — сынъ и дочь, и при нихъ гувернантка. Расположеніе Амвросія Дубовицкій завоевалъ случайно. Лишь только Амвросій пріѣхалъ въ Кирилловъ монастырь, Дубовицкій, вѣроятно подъ вліяніемъ тяжести монастырскаго заключенія и отсутствія подходящаго общества, явился къ Амвросію, подробно изложилъ предъ нимъ всѣ главнѣйшія обстоятельства своей жизни, открылъ ему всѣ свои религіозныя убѣжденія и сомнѣнія, однимъ словомъ — излилъ предъ нимъ всю свою душу. Амвросію очень понравилась исповѣдь Дубовицкаго; скоро онъ полюбилъ его, принималъ его охотно и бесѣдовалъ съ нимъ по нѣсколькимъ часамъ подъ рядъ. Впрочемъ, выпадали случаи, хотя и рѣдко, когда и Дубовицкому приходилось получать отъ архіерея отказъ въ его пріемѣ. Бесѣды Дубовицкаго съ преосвященнымъ Амвросіемъ вращались въ области предметовъ религіозныхъ; особенно часто у нихъ затрогивался вопросъ о промыслѣ Божіемъ. Амвросій глубоко вѣрилъ въ силу Провидѣнія Божія и всегда руководствовался этою вѣрою въ своей жизни. Дубовицкій не затруднялся поднимать предъ Амвросіемъ и такого рода вопросы, которые касались непосредственно самаго архіерея. На сдѣланное однажды Дубовицкимъ замѣчаніе о томъ, что преосвященный вообще жестокъ и суровъ, Амвросій отвѣчалъ спокойно: „я въ экономіи Божіей укусъ“. Такъ смотрѣлъ онъ на свое назначеніе на землѣ.

Изъ любви къ Дубовицкому преосвященный Амвросій принималъ и малолѣтнихъ его дѣтей, поилъ ихъ чаемъ, бесѣдовалъ съ ними. Дѣти до того привыкли и освоились съ суровымъ архіереемъ, что часто сами, по своему собственному желанію, приходили въ его покой и, не стѣсняясь, стучались къ нему въ дверь со словами: „отецъ архіерей, отецъ архіерей, отворите!“ Амвросій выходилъ къ дѣтямъ, принималъ отъ нихъ нарванный ими

¹⁾ Дубовицкій сосланъ былъ въ Кирилловъ монастырь за принадлежность къ сектѣ Татариновой. «Вѣстникъ Европы» 1867 г., томъ IV, стр. 85. Воспоминанія В. И. Папаева.

самыми цвкорный салатъ, огурцы, апельсины; дарилъ дѣтямъ просфоры, благословлялъ ихъ и даже нянѣ ихъ давалъ практическія наставленія о томъ, чтобы она какъ можно лучше берегла здоровье дѣтей и особенно предохраняла бы ихъ отъ простуды.

Въ сентябрѣ 1826 года Дубовицкій получилъ свободу отъ монастырскаго заключенія. Прощаніе съ нимъ преосвященнаго Амвросія ясно доказало степень привязанности его къ Дубовицкому и къ его семейству. Въ день, назначенный для отъѣзда изъ Кириллова монастыря, Дубовицкій заказалъ раннюю обѣдню и молебень въ путь шествующимъ. Лишь только раздался звонъ церковнаго колокола, и еще семейство Дубовицкаго не успѣло явиться въ церковь, какъ, къ удивленію всѣхъ монастырскихъ обитателей, Амвросій показавшись изъ своихъ покоевъ и среди самой убійственной осенней погоды направился въ церковь, въ которой предназначалось богослуженіе. Церковь была сырая и холодная, отчасти и отъ того, что богослуженіе въ ней совершалось только нѣсколько разъ въ годъ, и теперь во время самой службы чрезъ разбитыя стекла въ ней завывалъ холодный осенній вѣтеръ. Не смотря на это, преосвященный Амвросій простоялъ обѣдню и молебень, вслѣдъ за тѣмъ принялъ въ своихъ покояхъ все семейство Дубовицкаго, напутствовалъ его своими архимонастырскими молитвами и наконецъ простился съ нимъ самымъ искреннимъ и душевнымъ образомъ.

Преосвященный Амвросій не только въ бытность свою въ Пензѣ, но еще въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ велъ очень строгую, аскетическую жизнь, которая составляла его истинное призваніе. Явившись на покой въ Кирилловъ монастырь, онъ всецѣло предался аскетизму, много изнурялъ себя подвигами поста и молитвы до того, что противъ нихъ не могло устоять самое желѣзное здоровье, тѣмъ болѣе здоровье Амвросія, никогда не бывшее особенно крѣпкимъ, такъ какъ онъ издавна страдалъ летучимъ ревматизмомъ и потому, когда находился въ Кирилловѣ монастырѣ, часто и лѣтомъ жилъ въ топленыхъ комнатахъ. Не смотря на то, что въ послѣдніе годы своей жизни онъ походилъ болѣе на жертвеца и крайне разстроенное состояніе его здоровья ни для кого не было тайною, Амвросій тѣмъ не менѣе никогда никому не говорилъ о своихъ страданіяхъ и болѣзняхъ; никогда не прибѣгалъ онъ ни къ какимъ медицинскимъ, ни домашнимъ средствамъ.

Преосвященный Амвросій скончался такъ же уединенно и незамѣтно ни для кого, какъ большею частію и жилъ. О смерти его узнали не вдругъ и не тотчасъ же. Нѣсколько дней кушанья, которыя приносилъ слуга въ покои преосвященнаго, оставались нетронутыми. Точно такъ же въ архіерейскихъ вельяхъ долгое время не замѣчалось ни малѣйшаго движенія. Какъ ни былъ безпеченъ велейникъ преосвященнаго, но и тотъ началъ безпокоиться и сообщил о причинахъ своего безпокойства настоятелю монастыря. Архимандритъ монастыря вмѣстѣ съ братіей явился въ покои архіерея и послѣ долгихъ попытокъ принуждены были выломать двери его кабинета. Тогда имъ представилась слѣдующая картина: Амвросій лежалъ на постели мертвымъ, на немъ надѣтъ былъ саванъ, на которомъ чернилами и углемъ были изображены кресты, адамова голова и написаны нѣкоторые стихи изъ св. писанія, что весьма много напоминало одежду схимниковъ; покойный лежалъ вверхъ лицомъ, со сложенными крестообразно на груди руками. Значитъ, онъ самъ приготовился къ смерти и встрѣтилъ ее съ замѣчательною твердостью и спокійствіемъ ¹⁾.

Преосвященный Амвросій скончался 26-го декабря 1827 года, будучи сорока девяти лѣтъ отъ роду. Послѣ него не осталось никакихъ денежныхъ средствъ. Онъ жилъ въ монастырѣ настоящимъ безсребренникомъ и двухтысячную пенсію свою получалъ только для того, чтобы одну половину ея отдать въ монастырь, а другую—бѣднымъ.

В. И. Жмакинъ.

С.-Петербургъ.

8 декабря 1881 года.

¹⁾ Въ статьѣ П. И. Саввантова находятся другія, не вполне согласныя съ вышериведенными, подробности о смерти Амвросія. Преосвященный Амвросій серьезно заболѣлъ въ юнѣ 1826 года, а въ декабрѣ болѣзнь его приняла очень опасный характеръ. Къ больному былъ приглашенъ докторъ, но медицинскія средства оказались безсильными. Утромъ 25 декабря преосвященный Амвросій исповѣдался и приобщился св. таинъ, а на слѣдующій день, 26 декабря, въ четыре часа пополудни, скончался. Сообщение Саввантова отличается большимъ правдоподобіемъ, чѣмъ свидѣтельство автора записокъ объ Амвросіи.

В. Ж.